Этюд в багровых тонах

Артур Конан Дойл

ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ

Этюд в багровых тонах
Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах
Часть I
  Глава 1. Мистер Шерлок Холмс
  Глава 2. Искусство дедукции
  Глава 3. Тайна Лористон-Гарденс
  Глава 4. Что рассказал Джон Ранс
  Глава 5. К нам приходят по объявлению
  Глава 6. Тобиас Грегсон показывает, на что он способен
  Глава 7. Свет во тьме
Часть II. Страна святых
  Глава 1. На Великой соляной равнине
  Глава 2. Цветок Юты
  Глава 3. Джон Ферриер говорит с Пророком
  Глава 4. Побег
  Глава 5. Ангелы-мстители
  Глава 6. Продолжение воспоминаний доктора Джона Уотсона
  Глава 7. Заключение

Аннотация

Перу английского писателя, публициста и журналиста Артура Конан Дойла принадлежат исторические, приключенческие, фантастические романы и труды по спиритизму, но в мировую литературу он вошел как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса.

Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования. Неутомимый Шерлок Холмс и его легко увлекающийся друг доктор Ватсон дороги сердцу читателей всего мира.

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах

Часть I

Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного офицера медицинской службы

Глава 1
Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедля приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого муш-

кета — она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных гази́[1], если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на вьючную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в Плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести

[1] Сноски: 1

Гази — участники газавата, войны мусульман с неверными. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер — точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стренде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице

Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона — настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

— Что вы с собой сделали, Уотсон? — спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. — Вы худой как щепка и желтый как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев уложиться до приезда в ресторан.

— Бедняга! — с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. — И чем же вы заняты теперь?

— Ищу жилье, — отвечал я. — Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

— Вот странно, — заметил мой спутник, — сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

— А кто был первым? — спросил я.

— Один мой знакомый, который работает в

химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, — говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

— Отлично! — воскликнул я. — Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубливая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса, — сказал он. — А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

— Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто чудак — энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

— Учится на врача? — предположил я.

— Да нет… я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые на-

верняка порядком удивили бы его профессоров.

— И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? — полюбопытствовал я.

— Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

— Рад буду с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

— Скорее всего, он сейчас в лаборатории, — отозвался мой собеседник. — Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

— Договорились, — ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

— Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь,

я не виноват, — сказал он. — Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

— Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, — добавил я, в упор глядя на своего спутника, — что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

— Трудно выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жаждой познания — настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида — не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

— Что ж, это похвально.

— Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность прини-

мает несколько странную форму.

— Он избивает покойников?

— Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

— Нет. Одному богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте — теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллейку, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ощетинившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек — он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом.

Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

— Я нашел его! Нашел! — крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. — Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! — Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас Стамфорд.

— Здравствуйте! — сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы побывали в Афганистане.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

— Это пустяки, — усмехнувшись, сказал он. — Сейчас главное — гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

— С точки зрения химика это, наверное, интересно, — ответил я. — Но практически…

— Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные пятна? Подите-ка сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. — Возьмем

немного свежей крови, — с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. — Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневый осадок.

— Ха-ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. — Как вам это нравится?

— Похоже, реактив очень чувствительный, — заметил я.

— Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда

бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

— Неужели? — пробормотал я.

— Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это — кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

— Вас можно поздравить, — промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье,

а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

— Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, — со смехом заметил Стамфорд. — Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

— И это было бы очень увлекательное чтение, — откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. — Мне приходится соблюдать осторожность, — продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. — Я ведь частенько вожусь с разными ядами. — Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

— Мы пришли по делу, — заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. — Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

— Я присмотрел одну квартирку на Бейкер-

стрит, — сказал он. — Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «Корабельный», — ответил я.

— Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Дайте-ка сообразить, какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

— Я держу щенка бульдога, — сказал я, — и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с тревогой спросил он.

— Все зависит от того, как играть, — ответил

я. — Хорошая скрипичная музыка — это дар богов. Ну а плохая…

— Тогда все в порядке, — сказал он с довольным смехом. — Думаю, можно считать дело решенным — конечно, если квартира придется вам по вкусу.

— Когда на нее можно будет взглянуть?

— Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, — предложил он.

— Хорошо. Итак, ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, — как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это его маленький секрет, — сказал он. — Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

— Так значит, секрет? — воскликнул я, потирая руки. — Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»[2], верно?

— Ну-ну, изучайте, — сказал Стамфорд, махнув

---

[2] Сноски: 2

Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

мне на прощание. — Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

— До свиданья, — ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава 2
Искусство дедукции

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживаться и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать,

как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробегала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал,

а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину — он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имей он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подробной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апо-

гея, когда я случайно обнаружил, что он незнаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца — в это я просто не мог поверить.

— Вы, кажется, удивлены, — сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. — Но теперь, когда вы поделились со мной этими ценными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

— Забыть?

— Видите ли, — объяснил он, — человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей — поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки

резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, — серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

— Но не знать о Солнечной системе! — возразил я.

— Да на кой черт она мне сдалась? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив

этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

1.	Знания в области литературы —			нет.
2.	— » —	— » —	философии —	нет.
3.	— » —	— » —	астрономии —	нет.
4.	— » —	— » —	политики —	минимальные.
5.	— » —	— » —	ботаники —	отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.
6.	— » —	— » —	геологии —	конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.
7.	— » —	— » —	химии —	основательные.
8.	— » —	— » —	анатомии —	точные, но бессистемные.
9.	— » —	— » —	криминальной литературы —	огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.
10.	Хорошо играет на скрипке.			
11.	Профессионально фехтует и боксирует.			
12.	Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.			

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! — подумал я. — Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку на колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное,

я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человечек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился потрепанный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, — кажется, он был очень взволнован, — а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном вельветиновом костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс

просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, — как-то сказал он. — Эти люди — мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, — дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не покончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренок. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно — «Книга жизни», — и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадается ему на глаза. Статья показалась мне причудливой смесью проницательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Эвклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному столь поразительными, что если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, — писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал.

Вся жизнь — гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретается только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшие трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его биографии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки — все это явственно говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере, почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

— Какой несусветный вздор! — воскликнул я,

хлопнув журналом об стол. — В жизни не читал подобной чепухи!

— О чем это вы? — поинтересовался Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статье, — сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. — Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров — готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

— И вы проиграете, — спокойно заметил Холмс. — А статью написал я.

— Вы?

— Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна — полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

— Как это? — невольно вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков — одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж трудно распутать тысяча первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

— А остальные ваши гости?

— Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение — и я кладу в карман гонорар.

— Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым

тщетно бьются другие — те, кто видел все подробности своими глазами?

— Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее — тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, — бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

— Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

— Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал примерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку

запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрягах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

— После ваших объяснений все кажется очень простым, — улыбнулся я. — Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

— Вы, без сомнения, полагаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен отнюдь не блистал умом. Этот его приемчик: продолжать ход мыслей своего приятеля каким-нибудь внезапным замечанием после десятиминутной паузы в разговоре, — несложный трюк, рассчитанный на дешевый эффект. Конечно, он обладал некоторыми способностями к анализу, однако вовсе не был таким уж феноменом, каким изобразил его По.

— А Габорио вы читали? — спросил я. — Как по-вашему, Лекок — хороший сыщик?

Шерлок Холмс пренебрежительно хмыкнул.

— Лекок — редкий тупица, — сердито сказал он. — У него только и есть что энергия. Меня от этой книги чуть не стошнило. Ему надо было всего-навсего установить личность заключенного. Мне хватило бы для этого двадцати четырех часов, а он копался добрых полгода! По этому сочинению можно учить сыщиков, как не надо работать.

Холмс так бесцеремонно обругал моих любимых литературных героев, что в душе у меня вспыхнуло негодование. Я подошел к окну и устремил взгляд на оживленную улицу. «Может, он и умен, — сказал я себе, — но такое самодовольство — это уж чересчур».

— Где они теперь, настоящие преступления и настоящие преступники? — брюзгливо сказал Холмс. — Кому нужны мозги в нашей профессии? Я отлично знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и никогда не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений больше труда и врожденного таланта, чем я. И что в результате? Раскрывать нечего — разве что какое-нибудь дурацкое, неумелое злодейство с

таким банальным мотивом, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше будет сменить тему.

— Интересно, что он там ищет? — спросил я, указывая на рослого, просто одетого человека, который шел по другой стороне улицы, внимательно вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт — очевидно, это был посыльный.

— Кто — вон тот отставной флотский сержант? — отозвался Холмс.

«Жалкий хвастун! — подумал я про себя. — Понимает, что его не проверишь».

Едва эта мысль успела проскользнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и бегом пересек мостовую. Мы услышали громкий стук, звучный голос внизу и тяжелые шаги на лестнице.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — сказал он, переступая порог и протягивая конверт моему товарищу.

Это была прекрасная возможность сбить с него спесь: он вряд ли предвидел такое развитие событий, когда пытался наобум угадать бывшую

профессию почтальона.

— Позвольте спросить, любезный, — сказал я самым вкрадчивым тоном, на какой только был способен, — чем вы занимаетесь?

— Работаю курьером, сэр, — хрипловатым голосом ответил он. — Форму отдал в починку.

— А раньше кем были? — продолжал я, с легким злорадством покосившись на своего компаньона.

— Сержантом Королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он щелкнул каблуками, отдал честь и был таков.

Глава 3
Тайна Лористон-Гарденс

Признаюсь, что я был ошеломлен этим неожиданным доказательством практической пригодности теории моего компаньона. Мое уважение к его аналитическим способностям сразу же резко возросло. Правда, где-то на задворках моего сознания брезжило подозрение, что вся история с посыльным подстроена, чтобы сбить меня с толку, но зачем Холмсу могло понадобиться меня дурачить — этого я решительно не мог уразуметь. Когда я посмотрел на него, он как раз дочитал письмо и его потускневшие глаза приняли то рассеянное выражение, которое свидетельствует о поглощенности человека своими мыслями.

— Как, скажите на милость, вы это определили? — спросил я.

— Что именно? — недовольно откликнулся он.

— Ну что он отставной сержант морской пехоты?

— У меня нет времени на пустяки, — отрезал он, но тут же добавил с улыбкой: — Простите за грубость. Вы прервали нить моих размышлений,

но, может, оно и к лучшему. Так значит, вы не сумели разглядеть, что этот человек служил во флоте?

— Нет, не сумел.

— Легче было понять это, чем объяснить, как я понял. Если бы вас попросили доказать, что дважды два четыре, вы, пожалуй, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя и не сомневаетесь в том, что это именно так. Даже отсюда, с другой стороны улицы, я увидел на руке этого малого татуировку — большой синий якорь. Тут сразу запахло морем. Осанка у него как у военного, и бакенбарды такие, какие разрешено носить флотским, — вот вам и морская пехота. Далее, ясно было, что он себя уважает и привык командовать — должно быть, вы заметили, как он держал голову и помахивал тростью. Основательный, уравновешенный человек средних лет — все эти факты и привели меня к заключению, что он был сержантом.

— Великолепно! — воскликнул я.

— Ничего особенного, — сказал Холмс, хотя по его лицу я видел, что он польщен моим откровенным удивлением и восторгом. — Пять минут назад я говорил, что преступники у нас перевелись. Похоже, я был не прав — взгляни-

те-ка! — И он бросил мне письмо, принесенное курьером.

— Боже мой! — воскликнул я, пробежав его глазами. — Какой ужас!

— Действительно, несколько необычно, — спокойно заметил он. — Не соблаговолите ли прочесть это вслух?

Вот что я прочел Холмсу по его просьбе:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три по Лористон-Гарденс, близ Брикстон-роуд, случилось грязное дело. Часа в два наш дежурный на этом участке заметил там свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в прихожей, среди голых стен, лежал труп мужчины, хорошо одетого, с карточками в кармане на имя Инока Дж. Дреббера, Кливленд, Огайо, США. Его не ограбили, и пока остается неясным, как он встретил свою смерть. В комнате есть следы крови, но на теле не обнаружено никаких ран. Мы не знаем, как он попал в пустой дом, и вообще, вся эта история — сплошная загадка. Если Вы сможете заглянуть в этот дом в любое время до полудня, то найдете меня там. Пока я не получу от Вас ответа, здесь никто ничего не тронет. Если не сможете прийти, я сообщу Вам дополнительные

детали и почту за огромную любезность с Вашей стороны, если Вы поделитесь со мной своими соображениями.

Искренне Ваш, Тобиас Грегсон».

— Грегсон — самый смышленый детектив в Скотленд-Ярде, — заметил мой друг. — Они с Лестрейдом, так сказать, лучшие среди худших. Оба бойкие, напористые, хотя мыслят чересчур шаблонно — ни капли оригинальности. Между прочим, они не слишком ладят друг с другом. Ревнивы, как парочка профессиональных красавиц. Забавно будет, если их обоих поставят на это дело.

Я был поражен невозмутимостью, с которой он излагал мне все это.

— Наверное, нельзя терять ни минуты! — воскликнул я. — Хотите, я поймаю вам кеб?

— А я еще не решил, ехать мне или нет. Я ведь лентяй, каких свет не видел. хотя иногда могу и взбодриться, если вдруг найдет такой стих.

— Но это же тот самый случай, о котором вы мечтали!

— Дорогой мой, ну какой мне с него прок? Даже если я распутаю дело, можете не сомневаться, что все почести достанутся Грегсону, Лестрейду и компании. Вот что значит быть неофициальным

лицом.

— Но он просит вас о помощи.

— Да. Он знает, что ему до меня далеко, и признаётся мне в этом, но скорее отрежет себе язык, чем повторит это кому-то третьему. Впрочем, можно поехать и взглянуть, как там и что. Займусь делом на свой страх и риск. В конце концов, хоть посмеюсь над ними, если больше ничего не получу. Вперед!

Он схватил плащ, и по его энергичным движениям я понял, что приступ хандры сменился приступом активности.

— Берите шляпу, — сказал он.

— Хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если у вас нет занятия поинтересней.

Минуту спустя наемный экипаж уже мчал нас в сторону Брикстон-роуд. Утро выдалось хмурое, туманное; над крышами домов висела серовато-бурая дымка, словно отражение грязных улиц внизу. Мой спутник был в прекрасном расположении духа и без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между инструментами Страдивари и Амати. Я же, напротив, хранил молчание, поскольку дурная погода и мрачное дело, ожидавшее нас впереди, действовали на меня угнетающе.

— Похоже, вас не очень занимает цель нашего путешествия, — наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

— Мне не хватает данных, — ответил он. — Ни в коем случае нельзя строить теории, пока у вас на руках нет всех фактов. Иначе можно потерять объективность.

— Скоро вы получите ваши факты, — заметил я, показывая в окно. — Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если я, конечно, не ошибаюсь.

— Все верно. Стойте, кучер, стойте!

Нам оставалось до места около сотни ярдов, но Холмс настоял на том, чтобы мы сошли и проделали финальную часть пути пешком.

Номер третий по Лористон-Гарденс имел зловещий и угрюмый облик. Это был один из четырех домов, слегка отстоящих от мостовой, — в двух кто-то жил, а два других пустовали. Последние меланхолически взирали на нас тремя рядами унылых, подслеповатых окон, на которых там и сям, словно бельма, торчали таблички «Сдается внаем». Каждый из этих домов был отделен от улицы маленьким палисадником с редкой и чахлой растительностью, разрезанным пополам узкой желтоватой дорожкой, состоящей, насколько я мог судить, из смеси глины и гравия.

Ночью прошел дождь, и все вокруг порядком раскисло. Палисадники были огорожены трехфутовой кирпичной стеной, ощетинившейся сверху деревянными колышками, и к этой стене прислонился дюжий констебль. Рядом с ним собралась кучка зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть краешком глаза углядеть, что творится внутри.

Я полагал, что Шерлок Холмс немедленно кинется в дом и начнет расследование. Однако у него, похоже, были совсем другие планы. С беззаботным видом, который в этой ситуации показался мне граничащим с позерством, он прошелся туда-сюда по тротуару, рассеянно поглядывая на землю, небо, дома напротив и ограду. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке, или, точнее, по узкой полоске травы вдоль нее, не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а один раз я заметил у него на лице улыбку и услышал сорвавшееся с его губ довольное восклицание. На мокрой глинистой почве должно было остаться множество следов, но поскольку служители порядка успели добавить к ним щедрую толику своих собственных, я не мог понять, что мой друг рассчитывает там найти. Тем не менее, получив недавно весьма впечатля-

ющие доказательства его проницательности, я не сомневался, что он видит гораздо больше того, что открыто моему скромному взору.

У дверей дома нас встретил высокий белолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке; он бросился к моему спутнику и горячо пожал ему руку.

— Как славно, что вы пришли, — сказал он. — Здесь никто ничего не трогал.

— Кроме этого! — откликнулся мой друг, кивнув на дорожку. — Даже стадо буйволов не смогло бы так основательно все затоптать. Но вы, Грегсон, — вы, конечно, успели сделать необходимые выводы, прежде чем позволили своим подчиненным так поступить.

— У меня было много работы внутри, — уклончиво сказал сыщик. — Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я думал, он об этом позаботится.

Холмс искоса взглянул на меня и саркастически поднял брови.

— После таких специалистов, как вы с Лестрейдом, человеку со стороны вряд ли удастся отыскать здесь еще что-нибудь стоящее, — сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Думаю, мы сделали все, что можно, — отве-

тил он. — Однако дело странное, а я знаю, что вы такие любите.

— Вы ведь приехали сюда не в кебе? — спросил Шерлок Холмс.

— Нет, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже нет.

— Тогда пойдемте посмотрим комнату, — без всякой логики заключил Холмс и зашагал в дом.

Удивленно пожав плечами, Грегсон двинулся за ним по пятам.

Пыльный короткий коридор с голыми, обшитыми деревом стенами вел в кухню и подсобные помещения. Слева и справа было по двери. Одну из них явно не отпирали уже много недель. За другой находилась столовая — то самое место, где обнаружили труп. Холмс ступил туда, и я последовал за ним с той тяжестью на душе, какую порождает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся еще больше из-за полного отсутствия мебели. Яркие аляповатые обои на ее стенах местами уже разъела плесень, а кое-где они свисали кусками вниз, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери красовался претенциозный камин, увенчанный белой полкой «под мрамор». К ее

углу был прилеплен огарок красной восковой свечи. В единственное и чрезвычайно грязное окно едва пробивался тусклый, неверный свет, который окрашивал все вокруг в унылые серые тона, в чем ему немало помогал толстый слой лежащей повсюду пыли.

Все эти подробности я заметил позже. Сначала мое внимание целиком сосредоточилось на одной мрачной неподвижной фигуре, которая распростерлась на дощатом полу, устремив свой равнодушный, невидящий взгляд в полинявший потолок. Это был труп человека лет сорока трех или сорока четырех, среднего роста, широкоплечего, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой. Его костюм составляли сюртук из плотного сукна, жилетка, светлые брюки и безупречный воротничок с манжетами. Рядом, на полу, валялся начищенный до блеска цилиндр. Руки мертвого, сжатые в кулаки, были раскинуты в стороны, а ноги цеплялись одна за другую, что говорило об отчаянной борьбе со смертью. Его черты исказила гримаса ужаса, смешанного, как мне почудилось, с ненавистью, — такого выражения мне еще ни разу не доводилось наблюдать на человеческом лице. Эта жуткая, злобная мина в сочетании с низким

лбом, коротким носом и выступающей нижней челюстью придавала мертвецу бросающееся в глаза сходство с крупной обезьяной, которое еще более усугублялось его неестественной позой. Я видел смерть в разных обличьях, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как в этой темной, прокопченной комнате близ одной из главных магистралей лондонских окраин.

Лестрейд, как всегда тощий и похожий на хорька, появился на пороге и приветствовал нас с Холмсом.

— Шумиха подымется изрядная, сэр, — заметил он. — Мне такие дела еще не попадались, а я ведь тертый калач.

— И никаких зацепок? — спросил Грегсон.

— Ни единой, — в тон ему отозвался Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

— Вы уверены, что ран нет? — спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови вокруг.

— Абсолютно! — воскликнули оба детектива.

— Тогда, очевидно, это кровь другого человека — предположительно убийцы, если здесь было совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать

четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Почитайте о нем, не пожалеете. Нет ничего нового под солнцем! Все уже бывало прежде.

Пока он говорил, его ловкие пальцы так и летали над трупом, ощупывая, надавливая, расстегивая, изучая, тогда как в глазах у него застыло то самое отсутствующее выражение, которое я подмечал раньше. Осмотр был произведен настолько быстро, что посторонний легко мог бы усомниться в его тщательности. Под конец Холмс понюхал губы трупа и мельком взглянул на подошвы его лакированных туфель.

— Его совсем не перемещали? — спросил он.

— Разве что самую малость, во время осмотра.

— Можно отправлять в морг, — сказал Холмс. — Нам он больше не пригодится.

За дверью уже дожидались четверо полицейских с носилками. По команде Грегсона они вошли в комнату, забрали мертвеца и вынесли за порог. Когда они поднимали тело, что-то вдруг звякнуло, и по полу покатилось колечко. Лестрейд схватил его и вперился в него недоумевающим взором.

— Тут была женщина! — вскричал он. — Это женское обручальное кольцо.

Он протянул к нам ладонь с кольцом. Мы подошли ближе и принялись рассматривать найденную вещицу. Не было никаких сомнений в том, что когда-то этот тонкий ободок из чистого золота блестел на пальце невесты.

— Это усложняет дело, — сказал Грегсон. — А оно, видит бог, и так достаточно сложное.

— Вы уверены, что не упрощает? — возразил Холмс. — Ну да что толку на него глазеть. Что вы нашли у мертвого в карманах?

— Все здесь, — ответил Грегсон, указывая на кучку предметов на одной из нижних ступеней лестницы. — Золотые часы номер 97163 производства «Барро», Лондон. Цепочка для часов, тоже золотая, очень прочная и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка — голова бульдога с рубинами вместо глаз. Кожаная визитница с карточками на имя Инока Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам на белье — И. Дж. Д. Кошелька нет, но деньги имеются, на общую сумму семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с именем «Джозеф Стенджерсон» на форзаце. Два письма — одно адресовано И. Дж. Дребберу, второе все тому же Джозефу Стенджерсону.

— На какой адрес?

— Американская биржа на Стренде, до востребования. Оба отправлены Гуйонской пароходной компанией, и оба содержат расписание отхода ее судов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался возвращаться в Нью-Йорк.

— Вы навели справки об этом Стенджерсоне?

— Сразу же, сэр, — ответил Грегсон. — Я велел дать объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но еще не вернулся.

— В Кливленд сообщили?

— Телеграммой, нынче утром.

— В каких словах?

— Просто описали ситуацию и сказали, что будем благодарны за любые полезные сведения.

— Вы не интересовались подробностями, которые показались вам особенно важными?

— Я спросил о Стенджерсоне.

— И только? Разве в этом деле нет обстоятельства, от которого зависит все остальное? Вы не думаете послать еще одну телеграмму?

— Я написал все, что считал нужным, — с обидой в голосе ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся себе под нос и хотел было отпустить какое-то замечание, но вдруг из

столовой — наш разговор происходил в коридоре — показался Лестрейд, потирающий руки с видом глубочайшего довольства собой.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что сделал открытие исключительной важности, которое так и осталось бы для нас тайной, если бы я не решил как можно тщательнее осмотреть стены.

Глаза маленького человечка сверкали — очевидно, ему было трудно сдерживать ликование, вызванное тем, что он обставил своего коллегу на одно очко.

— Подите-ка сюда, — позвал он, торопливо возвращаясь в комнату, где стало гораздо легче дышать после отбытия ее страшного обитателя. — Смотрите!

Он чиркнул о ботинок спичкой и поднес ее к стене.

— Как вам это нравится? — с триумфом вопросил он.

Я уже говорил, что обои в комнате частично отклеились от стен. В углу оторвался большой кусок, открыв желтый квадрат грубой штукатурки. На этой голой поверхности было нацарапано кроваво-красными буквами одно-единственное слово:

— Ну, что скажете? — воскликнул сыщик, словно конферансье после эффектного номера. — Этого никто не заметил, потому что угол здесь темный и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Видите, вот тут она стекла струйкой по стене? Во всяком случае, версия самоубийства теперь исключается. А почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. На каминной полке стоит свеча. Тогда она горела, а если ее зажечь, этот угол сразу превратится из самого темного в самый светлый.

— И что же означает эта ваша надпись? — с легким пренебрежением в голосе спросил Грегсон.

— Что она означает? Ясно как день, что убийца хотел — ну или хотела, если это была она, — написать женское имя «Рэчел», но кто-то его спугнул. Попомните мои слова: когда мы разгадаем эту тайну, вы увидите, что в ней замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь, смейтесь, мистер Шерлок Холмс. Конечно, ума вам не занимать, но в конечном счете и вы признаете, что у старой ищейки не грех кое-чему поучиться.

— Простите великодушно! — сказал мой ком-

паньон, чей бестактный смех вывел из себя маленького человечка. — Действительно, вы первым из нас обнаружили эту улику, за что вам честь и хвала, и я совершенно согласен с вами в том, что она оставлена вторым участником ночной трагедии. Я еще не успел как следует осмотреть комнату и с вашего позволения займусь этим сейчас.

С этими словами он выудил из кармана рулетку и большую лупу. Вооруженный таким образом, он неслышно двинулся в обход комнаты, кое-где останавливаясь, порой опускаясь на колени, а однажды и вовсе улегшись плашмя на пол. Его так поглотило это занятие, что он, похоже, совсем забыл о нашем присутствии, ибо все время бормотал что-то себе под нос, не давая иссякнуть тонкому ручейку восклицаний, огорченных вздохов, посвистываний и тихих возгласов, в которых слышались ободрение и надежда. Своим поведением он живо напомнил мне чистопородную, хорошо выдрессированную гончую на лисьей охоте — то, как она рыщет туда и сюда по лесу, повизгивая от нетерпения, покуда вновь не нападет на потерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои исследования, вымеряя с величайшей тщательностью расстояние

между совершенно невидимыми для меня следами, а иногда прикладывая свою рулетку к стене, где я тоже не замечал ровно ничего достойного внимания. В одном месте он аккуратно собрал с половицы щепотку серой пыли и положил ее в конверт. Наконец он внимательно изучил надпись на стене, очень пристально рассмотрев в лупу каждую букву. Покончив с этим, он с удовлетворенным кивком убрал лупу и рулетку обратно в карман.

— Говорят, что гений — это бесконечное трудолюбие, — обронил он с улыбкой. — Определение не слишком удачное, но к работе детектива подходит как нельзя лучше.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за манипуляциями своего штатского коллеги с немалым любопытством и долей презрения. Они явно были не в силах понять то, что уже начал понимать я, — что самые незначительные действия Шерлока Холмса направлены на достижение какой-то вполне конкретной практической цели.

— Так что же, сэр? — спросили оба.

— С моей стороны было бы чересчур самонадеянно лезть к вам со своей помощью, — откликнулся мой друг. — Вы так хорошо справляетесь, что лавры за раскрытие этого дела не должны

достаться постороннему. — В его голосе звучал неприкрытый сарказм. — Если вы дадите мне знать, как идет расследование, — продолжал он, — я буду рад помочь чем смогу. А пока я хотел бы переговорить с констеблем, который нашел тело. Вы не назовете мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в блокнот.

— Джон Ранс, — сказал он. — Сегодня у него выходной. Вы найдете его на Кеннингтон-Парк-Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

— Пойдемте, доктор, — сказал он, — попробуем его отыскать. Я сообщу вам кое-какие мелочи, которые могут пригодиться в работе над делом, — продолжал он, обернувшись к двум сыщикам. — Это убийство, и убийца — мужчина во цвете лет. Он высок — больше шести футов, хотя ноги у него довольно маленькие для такого роста. Ночью на нем были грубые сапоги с квадратными носами, и он курил тричинопольскую сигару[3]. Приехал он сюда вместе с жертвой в четырехколесном кебе, запряженном лошадью с тремя старыми подковами и одной новой, на правой передней ноге. По всей вероятности, у

---

[3] Сноски: 3

Тричинополи — город в Индии, центр табачного производства.

преступника красное лицо и нестриженые ногти на правой руке. Это лишь несколько деталей, но они могут сыграть свою роль.

Лестрейд и Грегсон переглянулись с недоверчивыми улыбками.

— Если этого человека убили, то каким способом? — спросил первый.

— Яд, — бросил Шерлок Холмс и зашагал прочь. — И еще одно, Лестрейд, — добавил он, обернувшись на пороге. — «Rache» по-немецки «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а два соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

Глава 4
Что рассказал Джон Ранс

Мы покинули дом номер три по Лористон-Гарденс в час пополудни. Шерлок Холмс повел меня на ближайший телеграф, где отправил длинную телеграмму. Затем он остановил кеб и велел кучеру отвезти нас по адресу, взятому у Лестрейда.

— Нет ничего полезнее сведений из первых рук, — заметил он. — Честно говоря, я уже составил свое мнение по этому делу, но нам все равно не помешает узнать то, чего мы еще не знаем.

— Вы меня поражаете, Холмс, — сказал я. — Не можете же вы быть и вправду так уверены во всех подробностях, которые нам перечислили!

— А мне было негде ошибиться, — ответил он. — Первое, что я заметил, когда мы приехали, — это две колеи, оставленные кебом, подкатившим совсем близко к тротуару. Но до прошлой ночи целую неделю стояла сухая погода, а значит, колеса, от которых остались такие глубокие отпечатки, побывали там именно этой ночью. Видел я и следы лошадиных копыт, причем след от одного из них был гораздо отчетливее, чем от

трех других, — стало быть, эта подкова новая. Поскольку кеб приезжал после начала дождя, а утром никаких экипажей больше не появлялось — это известно со слов Грегсона, — можно сделать вывод, что именно он доставил к дому обоих участников ночного приключения.

— Ну, это довольно просто, — сказал я. — Но как вы узнали рост убийцы?

— В девяти случаях из десяти рост человека можно определить по длине его шага. Вычисления очень просты, но не буду утомлять вас цифрами. Я измерил шаг того парня и на земле снаружи, и на пыльном полу внутри. Потом мне представился случай проверить свои подсчеты. Когда кто-нибудь пишет на стене, он машинально выбирает для этого место на уровне своих глаз. А та надпись была на высоте чуть больше шести футов над полом. В общем, задачка для первого класса.

— А его возраст? — спросил я.

— Если человек может одним махом покрыть расстояние в четыре с половиной фута, он вряд ли древний старик. Но именно такова была ширина лужи на садовой дорожке, которую он, очевидно, перешагнул. Лакированные туфли обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Во всем

этом нет никакой тайны. Я просто применяю в обычной жизни те самые методы наблюдения и поиска логических связей, которые отстаивал в своей статье. Что еще вас смущает?

— Ногти и тричинопольская сигара.

— Надпись на стене была сделана пальцем, измазанным в крови. Лупа позволила мне рассмотреть, что штукатурку при этом слегка поцарапали, чего не случилось бы, будь ноготь на пальце коротко подстрижен. Далее, я собрал с пола немножко пепла. Он был хлопьевидным, темного цвета — такой пепел мог упасть только с сигары, изготовленной в Тричинополи. Когда-то я подробно изучал типы сигарного пепла — честно сказать, даже написал об этом брошюрку. Льщу себя надеждой, что могу с первого взгляда опознать пепел от табака любой известной марки, хоть сигарного, хоть трубочного. Как раз подобные мелочи и отличают умелого сыщика от всяких там Грегсонов и Лестрейдов.

— А красное лицо? — спросил я.

— Это более смелая догадка, хотя не сомневаюсь, что и тут я прав. Но пока вам лучше не спрашивать меня об этом.

Я провел рукой по лбу.

— У меня голова идет кругом, — признался

я. — Чем больше думаешь об этой истории, тем загадочней она кажется. Как эти двое, если их действительно было двое, попали в пустой дом? Куда делся кучер, который их привез? Как одному из них удалось заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что было нужно убийце, если он даже не ограбил свою жертву? Откуда там появилось женское кольцо? И наконец, зачем второй решил написать перед уходом немецкое слово «Rache»? Признаюсь, что я не вижу способа связать вместе все эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

— Вы весьма точно и кратко изложили все трудности этого дела, — сказал он. — Многое еще остается неясным, хотя главное уже не вызывает у меня никаких сомнений. Что касается надписи, обнаруженной беднягой Лестрейдом, то она была сделана просто для отвода глаз, чтобы сбить полицию с толку намеком на социалистов и тайные общества. Это писал не немец. Буква «А», если вы заметили, изображена в готическом стиле. Однако настоящие немцы всегда пишут обыкновенными буквами, поэтому мы смело можем утверждать, что эта надпись — дело рук неопытного имитатора, который перегнул палку, пытаясь прикинуться немцем. Это просто уловка,

попытка направить следствие по ложному пути. Больше я не стану вам ничего объяснять, доктор. Вы же знаете, фокусником перестают восхищаться после того, как он раскроет секреты своих трюков, и если я расскажу вам чересчур много о своих методах, вы, пожалуй, придете к выводу, что я, в общем-то, самая заурядная личность.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Вы сделали сыскную работу настолько близкой к точной науке, насколько это возможно.

Услышав эти слова, произнесенные мною с глубокой серьезностью, мой спутник порозовел от удовольствия. Я уже замечал, что он был не менее чувствителен к похвалам своему искусству, чем юная девица к комплиментам по поводу ее красоты.

— Скажу вам еще кое-что, — промолвил он. — Лакированные туфли и квадратные носы приехали в одном кебе и прошли по дорожке вместе, как закадычные друзья, — по всей вероятности, рука об руку. Очутившись внутри, они принялись расхаживать по комнате — вернее, лакированные туфли стояли неподвижно, а квадратные носы расхаживали взад и вперед. Все это я прочел на пыльном полу, а еще я прочел, что второй мало-помалу начинал горячиться. Об

этом свидетельствует длина его шагов, которая все увеличивалась и увеличивалась. Он говорил без умолку и наконец взвинтил себя до того, что впал в ярость. Потом произошла трагедия. Ну вот, теперь я рассказал вам все, что знаю, поскольку остальное лишь догадки и подозрения. Однако у нас есть хороший фундамент для начала работы. Нам нужно поторопиться, потому что сегодня вечером я хочу успеть на концерт Халлэ, послушать Норман Неруду[4].

Эта беседа происходила, пока наш кеб пробирался по бесконечному лабиринту грязных, убогих улиц и улочек. На самой грязной и убогой из них кучер вдруг остановился.

— Вон Одли-Корт, — сообщил он, указывая на узкую щель в ряду однообразно-серых кирпичных зданий. — Я вас тут подожду.

Одли-Корт был малоприятным местом. Узкий проулок вынырнул на прямоугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный унылыми домами. Одолев несколько препятствий в виде стаек замурзанной детворы и развешанного на веревках застиранного белья, мы отыскали номер сорок шесть, дверь которого украшала

[4] Сноски: 4

Халлэ, Чарльз — основатель одного из ведущих симфонических оркестров Великобритании, Норман Неруда — скрипачка, супруга Халлэ.

латунная табличка с выгравированной на ней фамилией Ранса. Нас проинформировали о том, что констебль спит, и провели в крошечную гостиную дожидаться его выхода.

Вскоре он появился, заметно раздраженный тем, что его отдых прервали.

— Я обо всем доложил в конторе, — сказал он.

Холмс вынул из кармана монету в полсоверена и задумчиво повертел ее в пальцах.

— Нам очень хотелось бы услышать эту историю из ваших собственных уст, — сказал он.

— С радостью сообщу вам все, что смогу, — ответил констебль, не сводя глаз с маленького золотого диска.

— Просто расскажите о том, что случилось, своими словами.

Ранс сел на кушетку, набитую конским волосом, и сдвинул брови с явным намерением не упустить в своем отчете ни одной подробности.

— Значит, начнем с начала, — сказал он. — Моя смена с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать в «Белом олене» маленько подрались, а так на моем участке было тихо. В час пошел дождь, я встретил Гарри Мерчера — это который дежурит на Холланд-Гроув, — и мы с ним постояли на углу Хенриетта-стрит, поболтали о том о сем. Потом —

может, в два или чуток позже — я подумал, что надо бы пройтись по Брикстон-роуд, глянуть, все ли там в порядке. Грязно было, и народу вокруг никого. Пока я шел, ни души не встретил, хотя парочка кебов проехали мимо. Иду я, значит, и думаю, между нами говоря, как славно было бы пропустить сейчас стаканчик горячего джина, — и вдруг в окошке того самого дома вроде как мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что эти два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые из-за владельца: он никак не соберется почистить канализацию, хотя последний жилец у него помер от брюшного тифа. Поэтому я как увидал там свет, так сразу заподозрил, что дело неладно. Когда я подошел к двери…

— Вы остановились, а потом вернулись к калитке, — прервал его мой компаньон. — Скажите, зачем?

Ранс буквально подскочил на месте и уставился на Шерлока Холмса с видом глубочайшего изумления.

— Ваша правда, сэр, — сказал он, — хотя как вы догадались, ума не приложу. Понимаете, когда я подошел к двери, вокруг было так тихо и одиноко, что я подумал, не взять ли мне кого-нибудь с собой за компанию. Я не боюсь ничего по эту сто-

рону могилы, но тут подумал: а может, покойник заявился проверить трубы, которые его сгубили. У меня прямо мурашки по коже поползли, и я вернулся к калитке поглядеть, не видно ли где фонаря Мерчера, но ничего не увидел — ни его, ни кого другого.

— То есть на улице никого не было?

— Ни души, сэр, — собак, и тех ни одной. Тогда я взял себя в руки, вернулся и отворил дверь. Внутри стояла тишина, и я пошел в комнату, где заметил свет. На камине горела свеча — красная, восковая, и при ее свете я увидел…

— Знаю, что вы увидели. Вы обошли комнату несколько раз, потом стали на колени рядом с трупом, потом вышли проверить, заперта ли дверь в кухню, а потом…

Джон Ранс вскочил с кушетки — в его взгляде читались испуг и подозрение.

— Где вы там прятались, а? — воскликнул он. — Что-то вы больно много знаете.

Холмс засмеялся и кинул на столик перед констеблем свою визитную карточку.

— Пожалуйста, не надо арестовывать меня за убийство, — сказал он. — Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд подтвердят вам это. Но давайте продолжим. Что вы

сделали потом?

Ранс снова уселся на свое место, хотя вид у него был по-прежнему озадаченный.

— Я вернулся к калитке и засвистел. Прибежали Мерчер и еще двое.

— А улица была пуста?

— Можно сказать и так, если не считать всякую шваль.

— Как это понимать?

По лицу констебля расплылась широкая ухмылка.

— Повидал я пьяных на своем веку, — сказал он, — но чтоб так нализаться, как этот! Он был у калитки, когда я вышел, — привалился к ограде и горланил что есть мочи про какой-то грозный волосатый флаг или что-то в этом духе. Какой из него помощник — его и ноги-то не держали.

— Как он выглядел? — спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

— Пьяный как свинья, вот как он выглядел, — сказал он. — Кабы мы не были так заняты, ночевать бы ему в кутузке.

— А его лицо, одежда? Вы что, ничего не видели? — нетерпеливо прервал его Холмс.

— Да нет, как не видел. Мы с Мерчером даже

пытались его поднять. Здоровый такой малый, краснорожий, обмотался шарфом чуть не до носа.

— Ага! — вскричал Холмс. — И куда он делся?

— У нас и без него дел хватало, — обиженным тоном сказал полицейский. — Нянчиться с ним, что ли? Добрел домой как-нибудь, уж будьте уверены.

— Во что он был одет?

— В коричневое пальто.

— Хлыста в руке не было?

— Хлыста? Нет.

— Значит, не взял с собой, — пробормотал мой спутник. — Вы не заметили, после этого мимо не проезжал кеб? Или, может, слышали стук колес?

— Нет.

— Вот ваши полсоверена, — сказал мой спутник, вставая и надевая шляпу. — Боюсь, Ранс, что вам никогда не дослужиться до приличного звания. Головой надо иногда думать, а не носить ее просто так, для красоты. Прошлой ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, который был у вас в руках, ключ к разгадке тайны, — его-то мы и ищем. Что толку теперь спорить — можете поверить мне на слово. Пойдемте, доктор.

Мы двинулись обратно к своему кебу, оставив нашего собеседника если не убежденным в правоте Холмса, то явно выбитым из колеи.

— Поразительная тупость! — горько сказал Холмс, когда мы ехали домой. — Как можно проворонить такую удачу? Прямо в голове не укладывается!

— А я, признаться, еще блуждаю в темноте. Описание этого человека действительно соответствует вашему портрету второго участника ночных событий. Но зачем ему было возвращаться к дому, когда он его уже покинул? Преступники так себя не ведут.

— Кольцо, дорогой мой, кольцо — вот за чем он вернулся. Если нам не удастся изловить его иначе, мы всегда можем закинуть удочку с этим кольцом. Я поймаю его, доктор, — ставлю два против одного, что поймаю. Но я должен поблагодарить вас за все. Если бы не вы, я вряд ли вылез бы из дому и пропустил бы одно из самых замечательных дел, какие только попадались на моем пути, — прямо этюд в багровых тонах, а? Почему бы не воспользоваться языком художников? Убийство красной нитью вплетено в бесцветный клубок жизни, и наш долг — распутать этот клубок и вытащить из него красную нить, обнажая

ее дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и отправимся слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком. Помните ту вещицу Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-ля?

Откинувшись на спинку сиденья, сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я тем временем предавался раздумьям о многогранности человеческой натуры.

Глава 5
К нам приходят по объявлению

Наша утренняя экспедиция оказалась слишком тяжелым испытанием для моего слабого здоровья, и во второй половине дня я почувствовал, что совершенно вымотался. Когда Холмс уехал на концерт, я прилег на диван в надежде подремать часок-другой, но у меня ничего не получилось. Мой мозг был слишком возбужден тем, что произошло, и в нем теснились самые невероятные догадки и предположения. Стоило мне смежить веки, как перед моим мысленным взором вновь возникало искаженное, по-обезьяньи злобное лицо убитого. Оно произвело на меня столь тягостное впечатление, что я при всем желании не мог не испытывать благодарности к тому, кто отправил его обладателя в иной мир. Если существовал когда-либо человек с чертами лица, отражающими самые гнусные пороки души, этим человеком, несомненно, был Инок Дж. Дреббер из Кливленда. И все же я понимал, что справедливость должна восторжествовать и что испорченность жертвы не может служить

оправданием в глазах закона.

Чем дольше я думал обо всем этом, тем менее правдоподобной казалась мне гипотеза моего друга об отравлении. Я помнил, как Холмс понюхал губы убитого, и не сомневался в том, что именно запах навел его на мысль о яде. Опять же, если не яд, то что могло стать причиной смерти — ведь на теле не обнаружили ни ран, ни следов удушения? С другой стороны, чьей кровью было так обильно полито все вокруг? Признаки борьбы отсутствовали, так же как и оружие, которым Дреббер мог ранить своего убийцу. Мне было ясно, что пока все эти вопросы остаются без ответа, ни Холмс, ни я не сможем спать спокойно. Его спокойствие и самоуверенность говорили о том, что он уже придумал теорию, которая объясняет все факты, хотя я был не в силах даже отдаленно представить себе, в чем заключается ее суть.

Он вернулся очень поздно — так поздно, что один концерт не мог быть тому виной. Ужин давно ждал его на столе.

— Это было прекрасно, — сказал он, усаживаясь. — Помните, что Дарвин говорит о музыке? Он утверждает, что способность создавать ее и наслаждаться ею появилась у людей задолго до того, как они обрели дар речи. Возможно, именно

поэтому она так глубоко нас волнует. В нашей душе до сих пор хранятся смутные воспоминания о тех туманных веках, когда мир был еще совсем юным.

— Довольно смелая мысль, — заметил я.

— Если хотите понять природу, ваши мысли должны быть смелыми, как она сама, — ответил он. — Но в чем дело? Похоже, вы не в своей тарелке. Вас расстроило это происшествие на Брикстон-роуд?

— Честно говоря, да, — признался я. — После афганских приключений мне следовало бы стать менее впечатлительным. Под Майвандом я видел, как моих товарищей рубят на куски, и не терял самообладания.

— Понимаю. В этом деле есть тайна, которая дает разгуляться фантазии, а где нет простора для фантазий, там нет и страха. Вы читали вечернюю газету?

— Нет.

— В ней опубликован неплохой отчет о случившемся. Там не упоминается, что при выносе тела на пол упало женское обручальное кольцо. И очень хорошо, что так.

— Почему?

— Взгляните на это объявление, — ответил

он. — Сегодня утром, сразу после нашей поездки, я разослал его во все газеты.

Он бросил мне газету, и я нашел указанное место. Его объявление было первым в столбце «Находки». «Сегодня утром на Брикстон-роуд, — говорилось в нем, — на участке между трактиром «Белый олень» и Холланд-Гроув, найдено простое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону на Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

— Простите, что воспользовался вашим именем, — сказал он. — Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы заметить его и вмешаться.

— Ничего, — ответил я. — Но вдруг кто-нибудь и правда явится? У меня ведь нет кольца.

— Нет, есть, — сказал он, протягивая его мне. — Это вполне сгодится. Оно практически такое же.

— И кто, по-вашему, откликнется на это объявление?

— Кто же, как не человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг в тупоносых башмаках? А не придет сам, так пришлет сообщника.

— Думаете, он не испугается?

— Вовсе нет. Если я правильно представляю себе ситуацию — а у меня есть все основания

считать, что это так, — он пойдет на любой риск, чтобы вернуть себе кольцо. По моим предположениям, он выронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и в тот момент ничего не заметил. Покинув дом, он обнаружил пропажу и поспешил обратно, но там уже оказалась полиция — между прочим, по его собственной вине, потому что он забыл погасить свечу. Чтобы выйти сухим из воды, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь поставьте себя на место этого человека. Обдумав все как следует, он должен сообразить, что мог потерять кольцо и на улице, когда вышел из дома. Каковы его дальнейшие действия? Он кинется просматривать вечерние газеты в надежде увидеть объявление о находке, и наше обязательно попадется ему на глаза. Он будет вне себя от радости. С чего бы ему подозревать ловушку? С его точки зрения, нет никакой связи между находкой кольца и убийством. И он придет. Не может не прийти. Вы увидите его в течение ближайшего часа.

— И тогда?.. — спросил я.

— Не волнуйтесь, я с ним разберусь. У вас есть оружие?

— Мой старый армейский револьвер и несколько патронов к нему.

— Пожалуй, имеет смысл почистить его и зарядить. Этому парню нечего терять, и хотя мы застанем его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я поднялся в спальню и последовал его совету. Когда я вернулся с оружием, со стола уже убрали и Холмс предавался своему любимому занятию — пиликал на скрипке.

— Дело близится к развязке, — сообщил он, увидев меня. — Я только что получил ответ на свою американскую телеграмму. Мои соображения были правильны.

— А именно? — жадно спросил я.

— Моей скрипке определенно не помешают новые струны, — заметил он. — Положите пистолет в карман. Когда он войдет, говорите с ним как обычно. Прочее предоставьте мне. Не глядите на него слишком пристально, не то спугнете.

— Уже восемь, — сказал я, взглянув на часы.

— Да. Наверное, он появится через считаные минуты. Приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Спасибо! Вчера мне попалась на книжном лотке любопытная книжонка под названием «De Jure

inter Gentes»[5], изданная на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда этот маленький коричневый томик поступил в продажу, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

— А кто издатель?

— Некий Филипп де Круа. На форзаце сильно выцветшими чернилами написано «Ex libris Guliolmi Whyte». Интересно, кто такой был этот Уильям Уайт? Наверно, какой-нибудь практичный юрист семнадцатого века. Ага, кажется, дождались!

Снаружи громко звякнул звонок. Холмс мягко вскочил и передвинул свое кресло поближе к двери. В прихожей раздались шаги служанки и щелчок открывшегося замка.

— Здесь живет доктор Уотсон? — спросил чистый, но довольно грубый голос.

Нам не было слышно, что ответила служанка, но дверь хлопнула и кто-то стал подниматься по ступеням. Шаги были шаркающими и неуверенными. По лицу моего компаньона скользнула тень недоумения. Наш гость медленно одолел лестничный пролет, и мы услышали слабый стук в дверь.

---

[5] Сноски: 5
«О международном праве» *(лат.)*.

— Войдите! — крикнул я.

Мое приглашение не осталось без ответа, но вместо рослого преступника, которого мы ждали, порог нашей комнаты переступила морщинистая старуха на подкашивающихся ногах. Похоже, ее ослепил яркий свет, потому что, сделав нам реверанс, она осталась на месте, моргая слезящимися глазками и нервно шаря в кармане дрожащей рукой. Я взглянул на своего товарища и увидел такую разочарованную мину, что еле удержался от смеха.

Старая карга извлекла на свет божий вечернюю газету и ткнула пальцем в наше объявление.

— Я вот зачем пришла, джентльмены, — сказала она, присев еще раз. — За золотым колечком с Брикстон-роуд. Это дочки моей, Салли, — она у меня замужем всего год, а муж у ней на корабле стюардом, и что он скажет, ежели вернется, а она без кольца, так это даже подумать страшно, нраву-то он крутого, а уж когда выпьет, и вовсе спасу нет. Тут ведь как получилось: вчера она возьми да и пойди в цирк вместе с…

— Это ее кольцо? — спросил я.

— Благослови вас господь! — вскричала старуха. — Вот Салли обрадуется! Оно самое.

— А живете вы где? — осведомился я и взял

карандаш.

— В Хаундсдиче, на Данкан-стрит, тринадцать. Утомилась, пока до вас дошла.

— Брикстон-роуд вовсе не по дороге из Хаундсдича к цирку, — резко сказал Шерлок Холмс.

Старуха повернулась и остро взглянула на него маленькими глазками из-под воспаленных век.

— Джентльмен спросил, где живу я, — сказала она. — А Салли живет в Пекеме, дом три по Мейфилд-Плейс.

— А фамилия ваша?..

— Я-то Сойер, а она Деннис, потому как вышла за Тома Денниса — славный такой парень, толковый, это когда в море, и у капитана на хорошем счету — ну а как сойдет на берег, так тут уж и женщины, и винцо.

— Вот ваше колечко, миссис Сойер, — перебил я, повинуясь знаку своего компаньона. — Очевидно, оно принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу вернуть его законной владелице.

Бормоча слова благодарности и превознося нашу доброту на все лады, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла прочь. Как только она скрылась из виду, Шерлок Холмс вскочил на ноги и ринулся к себе в комнату. Спустя несколько секунд он вернулся в длинном пальто и шарфе.

— Пойду за ней, — бросил он. — Она наверняка сообщница и приведет меня к нему. Ждите.

Едва за нашей гостьей захлопнулась входная дверь, как Холмс уже бежал вниз по лестнице. Посмотрев в окно, я увидел, что она тащится по другой стороне улицы, а ее преследователь движется за ней в некотором отдалении. «Либо вся его теория неверна, — подумал я, — либо сейчас он проникнет в самое сердце тайны». Холмсу не надо было просить меня дождаться его: я чувствовал, что все равно не смогу заснуть, пока не узнаю результатов его вылазки.

Когда он ушел, было почти девять. Я не имел понятия о том, сколько мне придется ждать, но упрямо сидел, попыхивая трубкой и листая «Жизнь богемы» Анри Мюрже. Пробило десять, и я услышал легкие шаги горничной: она отправилась спать. В одиннадцать за моей дверью раздалась более солидная поступь нашей домохозяйки, удаляющейся с тем же намерением. Дело шло к полуночи, когда до моего слуха донесся резкий звук ключа, повернувшегося в замке. Как только Холмс ступил в комнату, я понял по его виду, что на сей раз удача ему изменила. Веселое восхищение боролось на его лице с досадой; наконец первое чувство победило и он от души

расхохотался.

— Ни за что не хотел бы, чтобы об этом узнали в Скотленд-Ярде! — воскликнул он, плюхнувшись в кресло. — Я так часто подтруниваю над ними, что тут они не дали бы мне спуску. Но ничего, можно и посмеяться: я ведь знаю, что в конце концов возьму верх.

— Что случилось? — спросил я.

— С удовольствием расскажу вам, как я опростоволосился. Эта старушенция прошла самую малость, а потом принялась хромать и всячески демонстрировать, что стерла себе ноги. Скоро она и вовсе остановилась и кликнула кеб, который проезжал мимо. Я подобрался поближе, чтобы услышать адрес, но мог бы и не стараться, потому что она завопила на всю улицу: «Хаундсдич, Данкан-стрит, дом тринадцать!» Неужто и правда не врет, подумал я и, увидев, как она залезла внутрь, прицепился сзади. Этим умением должен владеть каждый уважающий себя сыщик. Ну вот, покатили мы куда велено и ни разу не притормозили, покуда не прибыли на место. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не торопясь пошел по тротуару, будто гуляю. Смотрю, кеб остановился. Кучер соскочил, открыл дверцу и ждет. А оттуда — никого. Когда я поравнялся с

ним, он как полоумный шарил руками в пустом кебе и сыпал такой отборной руганью, какую мне редко доводилось слышать. Его пассажирки и след простыл, и я боюсь, что ему долго придется ждать своих денег. Мы обратились в дом номер тринадцать и выяснили, что он принадлежит почтенному обойщику по фамилии Кезуик и ни о каких Сойерах и Деннисах там и слыхом не слыхали.

— Уж не хотите ли вы сказать, — в изумлении вскричал я, — что эта дряхлая, немощная старуха сумела выскочить из кеба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

— Как же, старуха! — сердито сказал Холмс. — Это нас с вами одурачили, как старух. К нам приходил молодой человек, очень ловкий и к тому же бесподобный актер. Загримировался он изумительно. Потом, несомненно, заметил за собой слежку и воспользовался этим приемом, чтобы от меня улизнуть. Это показывает, что преступник, за которым мы охотимся, не так одинок, как я воображал, — у него есть друзья, готовые по его просьбе пойти на риск. Знаете что, доктор, вид у вас совсем измученный. Послушайтесь моего совета и давайте-ка на боковую.

Я и впрямь очень утомился, а потому не стал

ему возражать. Я оставил Холмса перед камином с тлеющими угольями и чуть ли не до самого рассвета слышал заунывные причитания его скрипки, говорящие о том, что он все еще размышляет над загадочным делом, которое взялся распутать.

Глава 6
Тобиас Грегсон показывает, на что он способен

Наутро все газеты были полны рассказов о Брикстонской тайне — так нарекли ее репортеры. В каждой приводился подробный отчет о трагедии, а в некоторых изданиях ей даже посвятили передовицы. Я почерпнул из этих статей кое-какую новую для себя информацию. В моем альбоме до сих пор хранятся многочисленные вырезки и цитаты, относящиеся к данному делу. Вот к чему вкратце сводилось их содержание.

«Дейли телеграф» отмечала, что в анналах криминалистики едва ли сыщется преступление со столь необычными чертами. Немецкое имя жертвы, отсутствие видимых мотивов и зловещая надпись на стене — все это указывало на то, что убийцу следует искать среди революционеров и политических беженцев. В Америке много социалистических обществ; по всей видимости, покойный нарушил их неписаные законы, за что его и покарали. Упомянув мимоходом фемгерихт, акву тофану, карбонариев, маркизу де Бренвилье,

теорию Дарвина, принципы Мальтуса и убийства на Рэтклифф-хайвэй[6], автор завершал свою статью предостережением в адрес правительства и советом установить более пристальный надзор за иностранцами в Англии.

«Стандард» заостряла внимание читателей на том обстоятельстве, что подобные возмутительные беззакония обыкновенно творятся в периоды верховенства либералов. В умах начинается брожение, в результате чего падает авторитет всякой власти. Покойный был американским гражданином, который провел в британской столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье, на Торки-террас в Камберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стенджерсон. Оба распрощались с хозяйкой во вторник, четвертого числа текущего месяца, и отбыли на Юстонский вокзал, предварительно заявив о своем намерении отправиться экспрессом в Ливерпуль. Позже их видели вместе на перроне. О том, где они

[6] Сноски: 6

Фемгерихт — тайный суд в средневековой Германии; аква тофана — яд, названный по имени отравительницы из Италии XVII века; карбонарии — итальянское тайное общество начала XIX века; маркиза де Бренвилье — знаменитая отравительница из Франции (XVII век), убийства на Рэтклифф-хайвэй — громкие преступления, произошедшие в Англии в 1811 году.

находились и что делали до тех пор, пока тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, за много миль от Юстона, ровным счетом ничего не известно. Как он туда попал и как встретил свою судьбу — эти вопросы по-прежнему остаются без ответа. Нет сведений и о местопребывании Стенджерсона. Мы с удовольствием узнали, что расследование дела поручено мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону из Скотленд-Ярда, и можем с уверенностью предсказать, что наши прославленные детективы очень скоро прольют свет на эту таинственную историю.

«Дейли ньюс» отмечала, что в политическом характере преступления нет никаких сомнений. Деспотизм и ненависть к либерализму, широко распространенные на европейском континенте, стали причиной появления на наших берегах множества людей, из которых вышли бы замечательные граждане, если бы все их существование не было отравлено памятью о пережитом. Эти люди строго соблюдают определенный кодекс чести, малейшее нарушение коего карается смертью. Следует приложить все усилия к тому, чтобы отыскать пропавшего секретаря Стенджерсона и выяснить у него некоторые подробности относительно привычек его нанимателя. Установив

адрес пансиона, где обитал покойный, следствие сделало огромный шаг вперед — кстати, достижением этого важного результата мы всецело обязаны энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Все эти заметки мы с Холмсом прочли вместе за завтраком, причем он не скрывал, что они его немало позабавили.

— Я же вам говорил: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон своего не упустят.

— Еще не известно, чем дело кончится.

— Да бог с вами, это же совершенно неважно. Если преступника поймают, то *благодаря* их стараниям; если он сбежит, то *несмотря* на их старания. Словом, как в той присказке: орел — я выиграл, решка — ты проиграл. Что бы они ни натворили, у них обязательно найдутся почитатели. Как говорил Буало, глупец глупцу всегда внушает восхищенье[7].

— Что там такое? — воскликнул я, ибо в этот момент в прихожей и на лестнице раздался топот множества ног, сопровождаемый гневными протестами нашей домохозяйки.

— Отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, —

---

[7] Сноски: 7
Строка из «Поэтического искусства» *(пер. Э. Линецкой).*

серьезно ответил мой компаньон.

Не успел он договорить, как в комнату ввалились несколько самых грязных и оборванных уличных мальчишек, каких мне только доводилось встречать.

— Смирно! — резко скомандовал Холмс, и шестеро чумазых оборванцев выстроились в ряд и замерли, словно изваяния довольно-таки отталкивающего вида. — В будущем пусть приходит докладывать один Уиггинс, а остальные подождут снаружи. Нашли что-нибудь, Уиггинс?

— Никак нет, сэр, — отвечал один из юнцов.

— Я так и думал. Продолжайте, пока не найдете. Вот вам за работу. — Он вручил каждому по шиллингу. — А теперь вперед, и в следующий раз постарайтесь меня не разочаровать.

Он махнул рукой, и мальчишки прыснули вниз по лестнице, как стайка крыс. Спустя несколько секунд их пронзительные голоса донеслись до нас с улицы.

— От этих маленьких попрошаек больше проку, чем от дюжины полицейских, — сказал Холмс. — В присутствии официального лица из нормального человека слова не вытянешь. А эти ребята везде пролезут и все услышат. Шустрые, приметливые — им только дисциплины не хва-

тает.

— Они помогают вам в этом брикстонском деле? — спросил я.

— Да, мне надо кое-что уточнить. Но это лишь вопрос времени. Ага! Сейчас мы узнаем все последние новости! По тротуару идет Грегсон, причем каждая его черточка излучает блаженство. Очевидно, он направляется к нам. Да, остановился. Вот и он!

Громко протрезвонил звонок, и вскоре светловолосый детектив взлетел по нашей лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и ворвался к нам в гостиную.

— Мой уважаемый друг! — воскликнул он, тряся безответную руку Холмса. — Поздравьте меня! Я раскусил этот орешек, и теперь все ясно как день.

Мне почудилось, что по выразительному лицу моего компаньона скользнула тень беспокойства.

— Хотите сказать, что вы на верном пути? — спросил он.

— Какое там на пути! Преступник уже сидит у нас под замком!

— И его зовут…

— Артур Шарпантье, младший лейтенант

флота Ее Величества! — вскричал Грегсон, самодовольно потирая пухлые руки и выпятив грудь.

У Шерлока Холмса вырвался вздох облегчения, и он умиротворенно улыбнулся.

— Присаживайтесь и попробуйте одну из этих сигар, — сказал он. — Нам не терпится узнать, как вам это удалось. Не угодно ли виски с водой?

— Пожалуй, не откажусь, — ответил сыщик. — Последние два дня потребовали от меня таких огромных усилий, что я совсем измотался. Не столько физических, разумеется, сколько умственных — это было колоссальное напряжение мозга. Уж вы-то меня поймете, мистер Холмс: мы ведь с вами оба привыкли работать головой.

— Вы мне льстите, — серьезно ответил Шерлок Холмс. — Но расскажите же нам, как вы добились столь впечатляющего результата.

Сыщик уселся в кресло и принялся с довольным видом попыхивать сигарой. Потом хлопнул себя по ляжке в приступе внезапного восторга.

— Самое смешное, — воскликнул он, — что этот дурачина Лестрейд, который считает себя умнее всех, пошел по абсолютно ложному следу. Он ищет секретаря Стенджерсона, а тот виновен в убийстве не больше, чем неродившийся младенец. Я уверен, что он его уже засадил.

Эта мысль так развеселила Грегсона, что он смеялся, пока не поперхнулся.

— А как вы нашли ключ к разгадке?

— Сейчас расскажу. Конечно, доктор Уотсон, это строго между нами. Первой трудностью, с которой мы столкнулись, было выяснить прошлое этого американца. Кое-кто ждал бы, пока ответят на его объявление или пока найдутся добровольцы, готовые поделиться информацией. Но у Тобиаса Грегсона другие методы. Помните шляпу, которая лежала рядом с убитым?

— Да, — сказал Холмс. — Цилиндр фирмы «Джон Андервуд и сыновья», номер 129 по Камберуэлл-роуд.

Грегсон сник.

— Вот уж не думал, что вы заметили, — сказал он. — И вы там были?

— Нет.

— Ха! — воскликнул Грегсон, явно утешенный. — В нашем деле нельзя упускать ни одного шанса, каким бы ничтожным он ни казался.

— Для большого ума не существует мелочей, — сентенциозно подтвердил Холмс.

— Итак, я отправился к Андервуду и спросил, продавал ли он шляпу такой-то модели и такого-то размера. Он проверил по своим записям и

немедленно отыскал нужную. Он продал шляпу мистеру Дребберу, проживающему в меблированных комнатах мадам Шарпантье на Торки-террас. Вот как я добыл адрес.

— Ловко, очень ловко! — пробормотал Шерлок Холмс.

— Затем я пошел к мадам Шарпантье, — продолжал детектив. — Она выглядела бледной и крайне удрученной. Там сидела и ее дочь, весьма обаятельная девушка, — глаза у нее были красные, а губы, когда я говорил с ней, дрожали. Это не ускользнуло от моего внимания, и я сразу почуял неладное. Вы знаете это чувство, мистер Холмс: когда нападаешь на верный след, всегда испытываешь какой-то внутренний трепет. «Вы слышали о загадочной смерти вашего недавнего съемщика, мистера Инока Дреббера из Кливленда?» — спросил я.

Мать кивнула. Казалось, она не в силах выдавить из себя ни слова. Дочь залилась слезами. Теперь я был уже просто уверен: эти люди что-то знают о происшедшем.

«В котором часу мистер Дреббер отправился на вокзал?» — спросил я.

«В восемь, — ответила она, сглотнув, чтобы скрыть волнение. — Его секретарь мистер Стен-

джерсон сказал, что есть два ливерпульских поезда — один в девять пятнадцать, а другой в одиннадцать. Они собирались ехать на первом».

«Значит, тогда вы видели мистера Дреббера в последний раз?»

Когда я задал этот вопрос, лицо женщины ужасным образом изменилось. Его покрыла смертельная бледность. Лишь через несколько секунд она сумела вымолвить единственное слово «да», и оно прозвучало хрипло и неестественно.

Наступила короткая пауза, а затем дочь спокойным и ясным голосом сказала: «Не надо кривить душой, мама, — это еще никому и никогда не приносило пользы. Будем откровенны с этим джентльменом. Мы видели мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя Бог! — воскликнула мадам Шарпантье, воздев руки к небу и опустившись в кресло. — Ты погубила своего брата».

«Артур не простил бы нам лжи», — твердо ответила дочь.

«Лучше расскажите мне об этом все сразу, — посоветовал я. — Полупризнание хуже запирательства. Кроме того, вы не знаете, как много нам уже известно».

«Пусть это будет на твоей совести, Алиса! —

вскричала мать и, обернувшись ко мне, произнесла: — Я расскажу вам все, сэр. Не думайте, что мое беспокойство по поводу сына связано с тем, что он как-то замешан в этом жутком деле. Он абсолютно невиновен. Однако я опасаюсь скомпрометировать его в ваших глазах и в глазах общества. Впрочем, это невозможно! Его благородство, его профессия, вся его биография не дадут бросить на него тень».

«Лучшее, что вы можете сделать, — это без утайки изложить мне все факты, — ответил я. — Если ваш сын невиновен, его не осудят».

«Будь добра, Алиса, оставь нас одних, — попросила она, и дочь покорно вышла. — Итак, сэр, — продолжала мать, — я не хотела вам об этом рассказывать, но поскольку моя бедная дочь не смогла промолчать, у меня больше нет выбора. Коли уж я решилась на откровенность, то расскажу все, не упуская ни малейшей подробности».

«Это самое мудрое с вашей стороны», — заверил ее я.

«Мистер Дреббер прожил у нас почти три недели. До этого он и его секретарь мистер Стенджерсон путешествовали по Европе. Я заметила на их чемоданах копенгагенские наклейки — значит, там они в последний раз останавливались

на континенте. Стенджерсон всегда вел себя спокойно и вежливо, но о его нанимателе, к моему огромному сожалению, нельзя сказать ничего подобного. Он отличался грубостью и дурными манерами. Поселившись у нас, он сильно напился в первый же вечер, и вообще после полудня его редко можно было увидеть трезвым. С горничными он держался до безобразия нахально и развязно. Но хуже всего то, что скоро он вздумал поставить на одну доску с ними мою дочь Алису и не однажды обращался к ней с репликами, смысл которых она, к счастью, не понимала, по своей невинности. Как-то раз он буквально схватил ее и сжал в объятиях — выходка, которая даже терпеливого мистера Стенджерсона вынудила упрекнуть его в недостойном поведении».

«Но почему вы все это терпели? — спросил я. — Разве вы не можете избавиться от своих постояльцев в любой момент?»

Этот вполне логичный вопрос заставил миссис Шарпантье покраснеть.

«Видит Бог, я в первый же день сделала ему замечание, — ответила она. — Но соблазн был велик. Они платили по фунту в день за каждого — четырнадцать фунтов в неделю, а нынче ведь не сезон. Я вдова, и служба моего сына во флоте

недешево мне обходится. Мне жаль было терять такие деньги, и я надеялась на лучшее. Однако в последний раз он хватил через край, и я велела ему немедленно освободить комнаты. Потому-то он нас и покинул».

«И?..»

«Когда я спровадила их, на сердце у меня полегчало. Мой сын недавно приехал на побывку, но я ничего ему не рассказывала, потому что он очень вспыльчив и к тому же обожает свою сестру. Когда я закрыла за ними дверь, у меня точно камень с души свалился. Увы, не прошло и часа, как раздался звонок — оказалось, что это вернулся мистер Дреббер. Он был сильно возбужден и явно успел как следует хлебнуть из бутылки. Он вломился в гостиную, где сидели мы с дочерью, и невнятно пробормотал, что опоздал на поезд. Затем повернулся к Алисе и прямо у меня на глазах предложил ей уехать с ним. «Ты уже совершеннолетняя, — сказал он, — и нет такого закона, чтоб тебя удержать. Денег у меня куры не клюют. Не обращай внимания на свою старуху, бери вещи и поедем со мной. Будешь жить как принцесса». Бедняжка Алиса не знала, куда деваться с перепугу, а он схватил ее за руку и поволок к двери. Я закричала, и тут в комнату

вошел мой сын Артур. Что случилось после, я не видела: мне было страшно поднять голову. Я только слышала ругань и шум борьбы. А когда наконец подняла глаза, Артур стоял на пороге с тростью и смеялся. «Думаю, этот красавец больше не будет нам досаждать, — сказал он. — Пойду погляжу, как он там». С этими словами он взял шляпу и вышел на улицу. А утром мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Все это миссис Шарпантье поведала мне с многочисленными вздохами и паузами. Временами она говорила так тихо, что мне едва удавалось ее расслышать. Тем не менее я успел застенографировать ее рассказ, так что ошибки исключены.

— Ну что ж, это весьма интересно, — сказал Шерлок Холмс и зевнул. — А что было дальше?

— Когда миссис Шарпантье закончила, — продолжал сыщик, — я понял, что все в этом деле зависит от одного важнейшего обстоятельства. Посмотрев на нее тем пристальным взглядом, который, по моим наблюдениям, всегда безотказно действует на женщин, я спросил, когда ее сын вернулся домой.

«Не знаю», — ответила она.

«Не знаете?»

«Нет. У него свой ключ, и он сам открыл себе

дверь».

«После того, как вы легли спать?»

«Да».

«А когда вы легли?»

«Примерно в одиннадцать».

«Значит, ваш сын отсутствовал по меньшей мере часа два?»

«Да».

«А может быть, четыре или пять?»

«Возможно».

«И что же он делал все это время?»

«Не знаю», — сказала она, побелев как полотно.

Разумеется, после этого спрашивать было уже нечего. Я выяснил, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я взял его за плечо и попросил тихо пройти с нами, он ответил без всякого смущения: «Полагаю, вы считаете меня виновным в смерти этого подлеца Дреббера». Прямо так и сказал, а ведь мы ему ничего не говорили. Согласитесь, что это выглядит чрезвычайно подозрительно.

— Ваша правда, — согласился Холмс.

— У него еще была трость, с которой он, по словам матери, бросился вдогонку за Дреббером.

Такая тяжелая дубовая палка.

— И какова же ваша теория?

— Ну, я думаю, что он гнался за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там они опять сцепились, Дреббер получил удар тростью — наверное, в живот, — и умер, причем на его теле не осталось никаких ран. Ночь была такая дождливая, что никто их не видел, и Шарпантье затащил труп в пустой дом. Что же касается свечи, крови, надписи на стене и кольца, то все это просто уловки, чтобы направить полицию по ложному следу.

— Отлично! — ободряющим тоном воскликнул Холмс. — Ей-богу, Грегсон, вы делаете успехи. Я уверен, что вы далеко пойдете.

— Признаться, я и сам считаю, что недурно справился с этой задачкой, — самодовольно ответил детектив. — В своих официальных показаниях молодой человек заявил, что некоторое время преследовал Дреббера, после чего тот заметил его и взял кеб, чтобы от него отвязаться. По дороге домой Шарпантье якобы встретил старого флотского товарища и долго гулял с ним. На вопрос, где живет этот старый товарищ, он не смог дать вразумительного ответа. Думаю, все детали головоломки безупречно складываются в одно целое. Но Лестрейд-то, Лестрейд — смех, да и

только! Думаю, он немного найдет там, где ищет. Ага, да вот и он сам!

И вправду, мы так увлеклись разговором, что не заметили, как Лестрейд поднялся по лестнице и перешагнул порог комнаты. Однако свойственные ему самоуверенность и подтянутость куда-то пропали. Лицо его было расстроенным и озабоченным, а одежда испачкалась и пришла в беспорядок. Он явно хотел посоветоваться о чем-то с Шерлоком Холмсом, но, увидев коллегу, смутился и растерялся. Он застыл посреди нашей гостиной, нервно теребя в руках шляпу.

— Это просто невероятно, — промолвил он наконец. — Непостижимое дело.

— Неужели, мистер Лестрейд! — торжествующе воскликнул Грегсон. — Я предвидел, что вы придете к такому выводу. Вам удалось найти секретаря, этого мистера Стенджерсона?

— Секретарь Дреббера, мистер Стенджерсон, — серьезно сказал Лестрейд, — убит в гостинице «Халлидей» сегодня около шести часов утра.

Глава 7
Свет во тьме

Трагическое известие, которое принес нам Лестрейд, было столь неожиданным, что ошеломило нас всех. Грегсон вскочил с кресла, опрокинув остатки виски с водой. Я молча обратил взгляд на Шерлока Холмса, а он сжал губы и насупил брови.

— И Стенджерсон тоже! — пробормотал мой друг. — Тучи сгущаются.

— Солнца и так давно не видать, — проворчал Лестрейд и взялся за стул. — А у вас тут что, военный совет? Извините за вторжение.

— А вы… вы уверены, что это не ложная информация? — запинаясь, спросил Грегсон.

— Я только что из его номера, — сказал Лестрейд. — Я сам первым и обнаружил, что произошло.

— Грегсон знакомил нас со своей точкой зрения на случившееся, — объяснил Холмс. — А вы не могли бы рассказать нам, чем были заняты и что вам удалось узнать?

— Пожалуйста, — ответил Лестрейд, усажива-

ясь. — Мне не стыдно признаться, что я считал Стенджерсона замешанным в убийстве Дреббера. Мое утреннее открытие показало, что я грубо ошибался. Однако до этого, пребывая в своем заблуждении, я решил любой ценой выяснить, что стало с секретарем. Вечером третьего числа, примерно в половине девятого, их обоих видели на Юстонском вокзале. В два пополуночи Дреббера нашли мертвым на Брикстон-роуд. Передо мной стоял вопрос: что делал Стенджерсон с восьми тридцати до того часа, когда было совершено преступление, и куда он девался после? Я телеграфировал в Ливерпуль, дал описание этого человека и попросил тамошнюю полицию следить за американскими судами. Затем принялся обзванивать все гостиницы и пансионы поблизости от Юстона. Я рассуждал так: если Дреббер расстался со своим спутником, то для последнего естественно было бы устроиться на ночлег где-нибудь неподалеку, чтобы следующим утром опять вернуться на вокзал.

— Они могли заранее договориться о встрече в каком-то месте, — обронил Холмс.

— Так оно и оказалось. Весь вчерашний вечер я наводил справки, но безрезультатно. Сегодня утром взялся за дело пораньше и часов около

восьми зашел в «Халлидей», маленькую гостиницу на Литл-Джордж-стрит. На вопрос, проживает ли у них мистер Стенджерсон, мне тут же ответили утвердительно.

«Наверное, вы и есть тот джентльмен, о котором он говорил, — сказали мне. — Он дожидается вас уже два дня».

«Где он сейчас?» — спросил я.

«Наверху, в постели. Он просил разбудить его в девять».

«Я немедленно поднимусь к нему», — сказал я.

У меня возникла надежда, что мое внезапное появление выбьет его из колеи и он с перепугу сболтнет что-нибудь важное. Коридорный вызвался проводить меня в номер Стенджерсона, на третий этаж. Мы поднялись туда, мальчик показал мне нужную дверь и собирался уже спуститься вниз, как вдруг я заметил нечто такое, от чего мне стало дурно, несмотря на мой двадцатилетний опыт. Из-под двери вытекала тонкая красная ленточка — это была кровь, которая пересекла коридор и образовала лужицу у плинтуса на другой стороне. Я окликнул мальчишку, и он тут же прибежал обратно. Чуть не упал в обморок, когда это увидел. Дверь оказалась запертой изнутри, но мы навалились на

нее плечами и выломали. Окно в номере было распахнуто, а под ним, сжавшись в комок, лежал мертвый человек в ночной рубашке. Он умер довольно давно, поскольку его конечности успели похолодеть и одеревенеть. Когда мы его перевернули, мальчуган сразу признал в нем того самого джентльмена, который снял у них комнату под именем Джозефа Стенджерсона. В его левом боку зияла глубокая ножевая рана — видимо, удар достиг сердца и стал причиной смерти. А теперь самое странное во всей этой истории. Угадайте, что было над телом?

Ответ Шерлока Холмса еще не успел прозвучать, как по коже у меня поползли мурашки, предвестие грядущего ужаса.

— Слово «Rache», написанное кровью, — сказал он.

— Именно так, — с благоговейным страхом в голосе подтвердил Лестрейд, и все мы на минуту притихли.

В действиях неведомого убийцы было нечто расчетливое и непостижимое, делавшее его преступления еще более чудовищными. Стоило мне подумать об этом, как мои нервы, которые никогда не подводили меня на поле боя, невольно начинали трепетать.

— Его видели, — вновь заговорил Лестрейд. — Подручный молочника, направляясь за своим товаром, проходил по дорожке, ведущей к конюшням на задах гостиницы. Он заметил, что деревянная лестница, которая обычно лежала на земле, приставлена к одному из окон третьего этажа, а само окно раскрыто. Пройдя мимо, он оглянулся и увидел, как по лестнице спускается человек. Он слезал так спокойно, ни от кого не прячась, что парень принял его за мастерового, которого вызвали что-то починить. В общем, не обратил на него особенного внимания, только подумал, что рановато тот взялся за работу. У него осталось впечатление, что человек был высокий, с красноватым лицом, одетый в длинное коричневое пальто. Должно быть, он ненадолго задержался в комнате, потому что мы нашли тазик с грязной водой, где он отмывал руки от крови, и следы на простыне, о которую он вытер свой нож.

Услышав описание убийцы, так точно совпавшее с предсказаниями Холмса, я взглянул на своего друга, но не увидел на его лице никаких признаков радости или хотя бы удовлетворения.

— Вы не нашли в комнате ничего, указывающего на личность преступника? — спросил он.

— Нет. В кармане у Стенджерсона был кошелек Дреббера, но это вовсе не странно, поскольку обычно он расплачивался за обоих. Мы насчитали в кошельке восемьдесят с лишним фунтов; убийца их не тронул. Каковы бы ни были мотивы этих невероятных преступлений, ограбление явно не входит в их число. В карманах убитого не обнаружено ни записок, ни документов — только телеграмма, отправленная с месяц назад из Кливленда и состоящая из одной фразы: «Дж. Х. в Европе». Подписи нет.

— Что-нибудь еще? — спросил Холмс.

— Больше ничего существенного. На кровати лежала книга, которую покойник читал перед сном, а рядом, на стуле, его трубка. На столе был стакан с водой, а на подоконнике — маленькая жестяная баночка с двумя пилюлями.

С довольным возгласом Шерлок Холмс вскочил на ноги.

— Это последнее звено! — воскликнул он. — Теперь я знаю все.

Двое сыщиков уставились на него в изумлении.

— Теперь, — уверенно продолжал мой компаньон, — я держу в руках все нити этого запутанного клубка. Конечно, кое-какие подробности

еще предстоит выяснить, однако я так хорошо представляю себе все основные события, произошедшие с момента расставания Дреббера со Стенджерсоном на вокзале вплоть до обнаружения тела последнего, как если бы наблюдал их своими собственными глазами. Я могу доказать вам, что не фантазирую. У вас, часом, нет с собой тех самых пилюль?

— Есть, — отозвался Лестрейд, вынимая небольшую белую коробочку. — Я забрал их, а заодно и кошелек с телеграммой, чтобы положить все это в надежное место в полицейском участке. Честно сказать, пилюли я захватил совершенно случайно, потому что не придал им никакого значения.

— Давайте их сюда, — велел Холмс. — Ну-ка, доктор, — обернулся он ко мне, — как по-вашему, это обыкновенное лекарство?

Я отрицательно покачал головой. Пилюли были жемчужно-серого цвета, маленькие, круглые и почти прозрачные, если смотреть на свет.

— Судя по их легкости и прозрачности, они должны хорошо растворяться в воде, — предположил я.

— Совершенно верно, — согласился Холмс. — А теперь не возьмете ли вы на себя труд спуститься вниз и принести того беднягу терьера, который

давным-давно болеет и которого наша хозяйка вчера просила избавить от мучений?

Я сходил вниз и принес несчастного пса на руках. Его затрудненное дыхание и остекленевший взгляд говорили, что жить ему осталось недолго. Снежно-белая морда свидетельствовала о том, что по собачьим меркам он уже древний старик. Я положил его вместе с подушкой на ковер.

— Позвольте мне разрезать одну из этих пилюль пополам, — сказал Холмс и, достав перочинный нож, претворил свое намерение в действие. — Одну половинку мы вернем в баночку в целях сохранения улик. Другую я опускаю в стакан с ложкой воды. Вы видите, что наш приятель доктор не ошибся: она мгновенно растворилась.

— Все это очень любопытно, — сказал Лестрейд уязвленным тоном человека, подозревающего, что его разыгрывают. — Но я не понимаю, какая связь между вашими экспериментами и смертью Джозефа Стенджерсона.

— Терпение, друг мой, терпение! Скоро вы поймете, что связь самая непосредственная. Сейчас я добавлю сюда капельку молока, чтобы сделать смесь не такой противной на вкус, затем мы предложим ее собаке, и она с удовольствием примет нашу микстуру.

С этими словами он вылил содержимое стакана в блюдечко и поставил последнее перед терьером, который тут же вылизал его досуха. Серьезность и уверенность Шерлока Холмса произвели на нас столь сильное впечатление, что мы сидели молча, внимательно наблюдая за животным и ожидая какого-то поразительного результата. Однако мы его не дождались. Пес по-прежнему лежал, растянувшись на подушке, и тяжело дышал; похоже было, что от нашего эликсира ему не сделалось ни лучше ни хуже.

Холмс вынул карманные часы, и, по мере того как минута пробегала за минутой, на его лице все более явственно проступало выражение глубочайшей досады и разочарования. Он покусывал губы, барабанил пальцами по столу и выказывал все прочие признаки острого нетерпения. Он был так взволнован, что мне стало его искренне жаль, тогда как оба сыщика насмешливо улыбались, отнюдь не расстроенные препятствием, вставшим на его пути.

— Нет-нет, что-то здесь не так! — воскликнул он наконец, вскочив со стула, и принялся нервно расхаживать по комнате взад и вперед. — Я не могу представить себе, чтобы это оказалось простым совпадением. Те самые пилюли, о существовании

которых я подозревал в связи с делом Дреббера, найдены после смерти Стенджерсона. Однако они не действуют. Что это значит? Не может же быть неверной вся цепочка моих рассуждений. Это полностью исключено! И тем не менее собаке не стало хуже. А-а, я понял! Понял! — С возгласом, преисполненным ликования, он бросился к баночке, разрезал пополам вторую пилюлю, растворил ее, добавил молоко и поставил эту новую смесь перед терьером. Едва несчастный пес коснулся ее языком, как по всем его членам пробежала судорога и он замер, неподвижный и бездыханный, словно пораженный молнией.

Шерлок Холмс облегченно вздохнул и вытер со лба пот.

— Нужно больше верить в себя, — сказал он. — К этому времени мне уже давно пора было понять, что если какой-либо факт кажется противоречащим длинной цепочке выводов, то он обязательно допускает иное толкование. Одна из двух пилюль в баночке содержит смертельный яд, другая же абсолютно безвредна. Мне следовало догадаться об этом еще до того, как я их увидел.

Это последнее заявление было, на мой взгляд, настолько нелепым, что его едва ли мог сделать

человек, находящийся в здравом рассудке. Однако перед нами лежала мертвая собака, что подтверждало справедливость слов моего друга. Мне показалось, что туман в моем собственном мозгу понемногу рассеивается и сквозь него медленно проступают смутные очертания истины.

— Наверное, вы недоумеваете, — продолжал Холмс, — а все потому, что в самом начале расследования вам не удалось оценить важность единственной реальной улики, оставленной на месте преступления. Мне же повезло: я сразу ухватился за нее, и все дальнейшие события лишь подтверждали мое первое предположение — собственно говоря, логически вытекали из него. Таким образом, то, что озадачивало вас и усложняло дело в ваших глазах, проясняло его для меня и укрепляло мою убежденность в том, что я прав. Ошибочно считать, будто необычное дело труднее распутать. Зачастую самым загадочным оказывается самое заурядное преступление, ибо в нем нет новых или характерных особенностей, от которых можно было бы оттолкнуться. Раскрыть это убийство было бы гораздо сложнее, если бы труп жертвы просто нашли на дороге без всяких экзотических и сенсационных сопутствующих обстоятельств, превращающих его в уникальное.

Эти странности не только не мешают расследованию, а, наоборот, значительно облегчают его.

Грегсон, слушавший эту лекцию с явным нетерпением, наконец не выдержал.

— Ну вот что, мистер Холмс, — сказал он. — Все мы охотно признаем, что вы умный человек и у вас свои методы работы. Но сейчас нам мало одних теорий и поучений. Мы должны найти преступника. У меня была своя гипотеза, но она себя не оправдала. Молодой Шарпантье не мог совершить второе убийство. Лестрейд преследовал своего подозреваемого, Стенджерсона, но и он, похоже, ошибся. А вы все продолжаете потчевать нас намеками, давая понять, что знаете больше нашего, но пришло время, когда мы чувствуем себя вправе спросить вас без обиняков, что вам известно об этом деле. Вы можете назвать имя убийцы?

— На этот раз я согласен с Грегсоном, сэр, — заметил Лестрейд. — Мы оба пытались раскрыть дело, и обоих постигла неудача. За то время, что я нахожусь у вас в комнате, вы уже неоднократно заявляли, что вам вполне хватило улик для определения виновного. Настала пора поделиться с нами своими выводами.

— Если мы промедлим с арестом преступни-

ка, — добавил я, — он может совершить еще какое-нибудь злодейство.

Под нашим общим напором Холмс, видимо, заколебался. Он по-прежнему мерил шагами комнату, опустив голову на грудь и нахмурив брови, — я уже знал, что эти приметы говорят о напряженной работе мысли.

— Убийств больше не будет, — сказал он наконец, внезапно остановившись и обернувшись к нам. — Насчет этого можете не беспокоиться. Вы спросили меня, знаю ли я имя убийцы. Да, знаю. Но знать имя недостаточно, чтобы поймать убийцу, а именно это я и собираюсь сделать, причем очень скоро. У меня есть все основания рассчитывать на успех моего плана, однако здесь необходима крайняя осторожность, поскольку нам предстоит заманить в ловушку проницательного и отчаянного человека, которому, как я имел случай убедиться, помогает не менее умный товарищ. Пока этот человек не догадывается о том, что он на крючке, у нас есть шанс изловить его, но стоит ему хоть что-нибудь заподозрить, как он сразу же поменяет имя и затеряется среди четырехмиллионного населения нашего огромного города. Не питая ни малейшего намерения задеть чьи-либо чувства, я вынужден сказать,

что официальным защитникам правопорядка едва ли по силам справиться с нашими противниками — вот почему я не стал просить у вас содействия. Разумеется, если я потерплю неудачу, то возьму всю вину на себя. Пока же я могу пообещать вам лишь одно: как только я пойму, что могу ответить на ваши вопросы, не ставя свой план под угрозу срыва, я немедленно это сделаю.

Похоже, Грегсон и Лестрейд мало обрадовались этому заверению и еще меньше — уничижительной характеристике, которую Холмс дал столичной полиции. Первый покраснел до самых корней своих льняных волос, тогда как глаза-бусинки второго заблестели от любопытства и негодования. Впрочем, ни один из них не успел ничего сказать, потому что в дверь неожиданно постучали и на пороге возник не кто иной, как юный Уиггинс, немытый и нечесаный представитель отряда уличных мальчишек.

— Это я, сэр, — промолвил он, дотронувшись до своего вихра. — Кеб внизу, как вы велели.

— Молодец, парень, — поощрительно сказал Холмс. — Почему бы вам в Скотленд-Ярде не взять на вооружение эту новую модель? — продолжал он, вынимая из ящика письменного стола пару стальных наручников. — Смотрите, как прекрас-

но работает пружина. Щелк, и готово.

— Ничего, сойдет и старая, — заметил Лестрейд. — Было бы на кого их надеть.

— Ладно, ладно, — улыбаясь, откликнулся Холмс. — Думаю, кебмен поможет мне снести вниз вещи. Попроси его подняться к нам, Уиггинс.

Меня удивило, что мой компаньон собрался в путешествие, не сказав мне об этом ни слова. В комнате была небольшая дорожная сумка; Холмс вытащил ее на середину комнаты и принялся застегивать. Он не оставил этого увлекательного занятия и тогда, когда вошел кебмен.

— Пожалуйста, уважаемый, помогите мне затянуть этот ремень, — бросил Холмс через плечо, стоя на коленях и даже не повернув головы.

С несколько мрачным, вызывающим видом кебмен шагнул вперед и протянул руки к сумке. В тот же миг раздался резкий щелчок, лязг металла, и Шерлок Холмс вскочил на ноги.

— Джентльмены, — воскликнул он, сверкая глазами, — позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Инока Дреббера и Джозефа Стенджерсона!

Все произошло в одно мгновение, так быстро, что я попросту не успел осознать случившееся.

Но у меня прочно отпечаталась в памяти эта сцена — торжество, написанное на лице Холмса, и его звонкий голос, свирепая и ошеломленная физиономия кебмена, воззрившегося на блестящие наручники, которые очутились на его запястьях словно по волшебству. На несколько секунд все мы будто превратились в скульптурную группу. Затем, издав яростный нечленораздельный рев, плененный мужчина вырвался из рук Холмса и метнулся к окну. Стекло и рама не выдержали атаки, но прежде чем беглец целиком оказался снаружи, Грегсон, Лестрейд и Холмс прыгнули на него, точно свора охотничьих собак на загнанного оленя. Его втащили обратно в комнату, и завязалась нешуточная борьба. Он был так могуч и сопротивлялся так неистово, что снова и снова стряхивал с себя всю нашу четверку. Он бился с неестественной силой, как человек в эпилептическом припадке. Его лицо и руки были страшно изранены осколками оконного стекла, но потеря крови, похоже, ни на йоту не убавила его мощи. И только когда Лестрейд сумел просунуть руку под шейный платок великана и чуть не придушил его, он наконец смирился; но даже после этого мы не чувствовали себя спокойно, пока не связали ему еще и ноги. Затем все мы поднялись

с пола, пыхтя и отдуваясь.

— Там внизу пустой кеб, — сказал Шерлок Холмс. — Как раз пригодится, чтобы отвезти его в Скотленд-Ярд. Итак, джентльмены, — продолжал он с любезной улыбкой, — нашей маленькой тайне пришел конец. Прошу вас, задавайте мне любые вопросы и не бойтесь, что я откажусь отвечать.

Часть II
Страна святых

Глава 1
На Великой соляной равнине

Вцентральной части огромного североамериканского континента лежит бесплодная, губительная для всего живого пустыня, которая долгие годы была непреодолимым барьером на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски, между реками Йеллоустон на севере и Колорадо на юге простирается царство тишины и запустения. Однако даже в пределах этой унылой области Природа показывает разные лики. Здесь есть высокие горы, увенчанные снегом, и темные, мрачные долины, есть быстрые потоки, стремительно несущиеся по зигзагам ущелий, и обширные равнины, зимой белые от снега, а летом серые от едкой соляной пыли. Впрочем, все уголки этого края объединяет одно: здесь везде голо, хмуро и неуютно.

В этой юдоли отчаяния нет человеческих поселений. Случается, что индейские племена, пауни или черноногие, пересекают ее в поисках новых охотничьих угодий, но даже отважнейшие из отважных радуются, оставив позади эти угрю-

мые просторы и вновь очутившись в родных прериях. В дремучем кустарнике прячется койот, тяжко хлопает крыльями в воздухе канюк, да неуклюжий медведь-гризли пробирается по тенистым ущельям, ища себе среди камней скудное пропитание, — вот и все обитатели этой дикой местности.

На всем белом свете нет вида тоскливее того, что открывается с северных склонов Сьерра-Бланко. Насколько хватает глаз раскинулась бесконечная плоская равнина с разбросанными по ней пятнами солончаков и зарослями карликового дуба — чапарралем. Далеко-далеко, на самом горизонте, маячит цепь горных пиков — скалистые вершины, на которых кое-где поблескивает снег. На всем этом бескрайнем пространстве нет ни самой жизни, ни чего-либо напоминающего о ней. В небесах иссиня-стального цвета не кружат птицы, на бесплодной серой земле нет движения, и повсюду разлита абсолютная тишь. Как ни прислушивайся, твое ухо не уловит даже слабого звука. На многие мили вокруг нет ничего, кроме тишины — мертвой, гнетущей тишины.

Выше было сказано, что на этих широких равнинах нет ничего, напоминающего о жизни. Пожалуй, это не так. Посмотрев вниз со Сьерра-

Бланко, вы можете увидеть в пустыне дорогу — она вьется по ней и исчезает вдали. Эта дорога проторена тележными колесами и протоптана ногами бесчисленных искателей приключений. Там и сям на ней белеют какие-то предметы; они блестят под лучами солнца, выделяясь на невыразительном сером фоне солончаков. Подойдите и приглядитесь к ним! Это кости — одни крупные и грубые, другие потоньше и более хрупкие. Первые когда-то принадлежали быкам, вторые — людям. На полторы тысячи миль тянется этот жуткий тракт, усеянный останками тех, кто пал на его обочине.

Четвертого мая тысяча восемьсот сорок седьмого года эта картина открылась взору перевалившего через горы одинокого путника. Сам он выглядел так, что вполне мог бы сойти за гения или демона здешних мест. Сторонний наблюдатель затруднился бы определить, сколько ему лет — около сорока или ближе к шестидесяти. Его лицо было худым и изможденным; сухая, похожая на пергамент кожа туго обтягивала выступающие кости. Длинные русые волосы и бороду щедро посеребрила седина. Глубоко сидящие глаза горели неестественным огнем, а рука, сжимающая винтовку, мало чем отличалась

от руки скелета, ибо на ней почти не осталось плоти. Стоя, он опирался на свое оружие, хотя его высокий рост и крепкое телосложение говорили о врожденной силе и выносливости. Однако по его изнуренному лицу и одежде, которая мешком висела на исхудавшей фигуре, можно было понять, отчего он кажется таким дряхлым и немощным. Этот человек умирал — умирал от голода и жажды.

Он кое-как спустился по горной лощине и поднялся на эту небольшую возвышенность в тщетной надежде увидеть какие-нибудь признаки воды. Но перед его глазами простиралась лишь великая соляная равнина, окаймленная далекой грядой суровых гор, без единого деревца или иного растения, которое говорило бы о присутствии живительной влаги. На всем этом необъятном просторе не было и проблеска надежды. На север, на восток и на запад обращал несчастный свой пытливый взор и наконец понял, что его странствия подошли к завершению и что здесь, на этом безотрадном холме, ему суждено умереть. «Почему бы и нет — разве оно хуже, чем на пуховой перине лет через двадцать?» — пробормотал он себе под нос, усаживаясь под сенью массивного валуна.

Прежде чем сесть, он положил рядом ненужную теперь винтовку, а также большой узел, который нес на правом плече. Это было нечто завернутое в серую шаль и, похоже, чересчур тяжелое для его измученного организма, потому что, опуская, он чуть не выронил его и привел в соприкосновение с землей не слишком бережно. Тут же из серого свертка донесся негромкий вскрик, а затем оттуда показалось испуганное личико с очень яркими карими глазами и два маленьких веснушчатых кулачка с ямочками.

— Ты меня ушиб! — с укором произнес детский голосок.

— Правда? — виновато отозвался человек. — Я не хотел.

Он развернул серую шаль и высвободил из нее хорошенькую девчушку лет пяти. Ее элегантные туфельки и чудесное розовое платьице с полотняным передником говорили о материнской заботе и внимании. Девочка была болезненно бледна, но, судя по ее крепеньким ножкам и ручкам, ей пришлось перенести меньше лишений, чем ее спутнику.

— Что, больно? — с тревогой спросил он, поскольку она все еще потирала затылок, покрытый спутанными золотыми кудряшками.

— Поцелуй, и пройдет, — сказала она с глубокой серьезностью, подставляя ему ушибленное место. — Так всегда делала мама. А где она?

— Мама ушла. Думаю, ты скоро с ней увидишься.

— Ушла? — удивилась девочка. — Странно. А почему она не попрощалась? Она всегда прощалась, даже когда уходила к тете пить чай, а теперь ее нет уже три дня. Слушай, тут ужасно сухо, правда? У нас нет воды или чего-нибудь поесть?

— Ничего нет, милая. Надо еще немножко потерпеть, и все образуется. Положи-ка головку вот сюда, ко мне на колени, и тебе сразу станет веселей. Не очень-то легко говорить, когда губы точно кожаные, но мне сдается, что лучше рассказать тебе все начистоту. Что это у тебя такое?

— Смотри, какая прелесть! Какие красивые! — пылко воскликнула девчушка, протягивая ему два блестящих кусочка слюды. — Когда мы вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

— Скоро ты увидишь кое-что покрасивей этого, — заверил ее мужчина. — Надо только чуток обождать. Да, я ведь собирался сказать тебе, помнишь, как мы ушли с реки?

— Да.

— Понимаешь, мы думали, что скоро найдем

другую реку. Но что-то не получилось: то ли компас подвел, то ли карта… словом, не нашли мы ее. Вода у нас кончилась. Осталась только капелька-другая для таких, как ты, и… и…

— И тебе нечем было умыться, — перебила девочка серьезным тоном, глядя снизу вверх на его чумазое лицо.

— Ну да, и попить тоже нечего. И мистер Бендер ушел от нас первым, а потом индеец Пит, а потом миссис Макгрегор, а потом Джонни Хоунс, а потом и твоя мать.

— Значит, мама тоже умерла! — воскликнула девочка, уткнувшись личиком в передник, и горько зарыдала.

— Да, они все ушли, кроме нас с тобой. Потом я подумал, что если пойти в этом направлении, можно наткнуться на воду. Тогда я посадил тебя на плечо, и мы отправились сюда вместе. Только по всему видать, что нам снова не повезло. Теперь мы с тобой вряд ли выкрутимся!

— Ты хочешь сказать, мы тоже умрем? — спросила девчушка, перестав плакать и подняв к нему залитое слезами личико.

— Ну, в общем, примерно так.

— Что же ты раньше не сказал? — воскликнула она с радостным смехом. — Я так испугалась!

А раз мы умрем, то скоро опять будем с мамой.

— Да, ты будешь с ней, милая.

— И ты тоже. Я расскажу ей, какой ты хороший. Спорим, она встретит нас у дверей на небо с большим кувшином воды и кучей гречневых оладушек, горячих и поджаренных с обеих сторон, как нравится нам с Бобом! А сколько еще ждать?

— Не знаю… недолго. — Взгляд мужчины был прикован к северному горизонту. На голубом небосводе возникли три крошечных пятнышка, которые с каждой секундой вырастали в размерах — так быстро они приближались. Вскоре пятнышки превратились в трех больших коричневых птиц; они покружились над головами путников, а потом сели на скалы неподалеку от них. Это были канюки — стервятники западных земель, чье появление предвещает смерть.

— Петушки и курочки! — ликующе закричала девочка, указывая на этих зловещих часовых, и захлопала в ладоши, заставив их снова подняться в воздух. — Скажи, а это место тоже создал Бог?

— Конечно, а кто ж еще? — ответил ее старший товарищ, несколько сбитый с толку этим неожиданным вопросом.

— Он сделал Иллинойс и реку Миссури, — продолжала девочка. — А это место, по-моему, делал

кто-то другой. Оно получилось гораздо хуже. Про воду забыли и про деревья.

— Как ты думаешь, может, нам помолиться? — нерешительно предложил мужчина.

— Но ведь еще не вечер, — ответила малышка.

— Неважно. Хоть оно и не по расписанию, но Бог не обидится, это уж точно. Ты прочитай те молитвы, что читала каждый вечер в фургоне, когда мы ехали по равнинам.

— А почему ты сам не прочитаешь? — спросила девочка, удивленно поглядев на него.

— Я их забыл, — признался он. — В последний раз я молился, когда был росточком с половину этого ружья. Но лучше поздно, чем никогда. Ты читай, а я буду за тобой повторять.

— Тогда тебе надо встать на колени, и мне тоже, — сказала она, расстилая на камнях шаль. — А руки подними вот так. Тогда тебе сразу станет хорошо.

Это была странная картина, хотя ее видели только канюки. На узкой шали бок о бок стояли два коленопреклоненных путника — маленькая несмышленая девочка и отважный, закаленный невзгодами искатель приключений. Ее круглое личико и его худое костлявое лицо были обращены к безоблачным небесам и выражали

искреннюю покорность грозному божеству, в чьей власти они очутились, а два голоса — один тоненький и чистый, другой низкий и грубый — слились в возносимой ему мольбе о милости и прощении. Завершив ритуал, они снова устроились под сенью огромного валуна, и вскоре ребенок задремал, прикорнув к широкой груди своего защитника. Тот некоторое время охранял ее сон, но потом природа взяла свое. Долгих три дня и три ночи он не позволял себе ни минуты отдыха — и теперь веки медленно опустились на усталые глаза, а голова стала клониться все ниже и ниже на грудь, пока седая борода мужчины не смешалась с золотыми кудряшками его спутницы и оба они не погрузились в глубокий и мирный сон без сновидений.

Если бы скиталец сумел продлить свое бодрствование хотя бы на полчаса, его взору представилось бы странное зрелище. Далеко-далеко, на самом краю соляной равнины, показалась крохотная струйка пыли — сначала она была едва заметной в полуденном мареве, но постепенно делалась все выше и шире и наконец превратилась в плотное, хорошо различимое облако. Это облако продолжало неуклонно увеличиваться, покуда не стало ясно, что его могло поднять лишь

несметное множество движущихся существ. В более плодородных землях наблюдатель решил был, что на него надвигается одно из тех гигантских бизоньих стад, что пасутся в прериях. Но в этой бесплодной местности такое, очевидно, было невозможно. По мере приближения клуба пыли к одинокому холму, на котором нашли приют двое несчастных странников, в туманной пелене стали вырисовываться очертания крытых парусиной фургонов и силуэты вооруженных всадников — это был огромный караван, направляющийся на запад. Караван, но какой! Когда его голова достигла предгорий, хвост еще даже не появился на горизонте. Через всю необъятную равнину протянулась эта живая цепь — фургоны и телеги, верховые и пешие. Бесчисленные женщины брели, согнувшись под бременем своей ноши, а их дети шагали рядом с фургонами или выглядывали из-под белых пологов. Это явно была не обычная группа переселенцев, а целый народ, волею обстоятельств принужденный искать себе новое место обитания. Вся эта огромная людская масса двигалась с шумом и громыханием, под скрип колес и ржание лошадей. Однако даже эти звуки, далеко разносящиеся в чистом воздухе, были недостаточно громкими для того,

чтобы разбудить усталых путников на холме.

Во главе колонны ехали десятка два или больше мужчин с серьезными, словно высеченными из камня лицами, в простых одеяниях темных тонов и с ружьями на плечах. У подножия возвышенности они остановились, чтобы провести короткое совещание.

— К источникам надо идти направо, братья, — сказал один из них, чисто выбритый, с суровыми складками около рта и проседью в волосах.

— Направо от Сьерра-Бланко — так мы выйдем к Рио-Гранде, — подтвердил другой.

— Не бойтесь остаться без воды! — воскликнул третий. — Тот, кто смог добыть ее из камня, не бросит свой избранный народ.

— Аминь! Аминь! — дружно откликнулись все.

Они уже тронулись было дальше, но тут один из самых молодых и остроглазых издал предостерегающий возглас и указал на зубчатый выступ над ними. Там трепыхался клочок розовой материи, ярко выделяющийся на фоне серых скал. При виде его всадники тут же осадили коней и скинули с плеч винтовки, а свежие верховые из середины колонны галопом пустились на подмогу своему авангарду. На всех устах было одно слово — краснокожие.

— Здесь не может быть много индейцев, — сказал пожилой человек, которого, похоже, слушались остальные. — Пауни уже позади, а других племен мы не встретим, пока не перевалим через горы.

— Можно мне пойти посмотреть, брат Стенджерсон? — спросил кто-то из группы.

— И мне! И мне! — воскликнула еще дюжина голосов.

— Оставьте лошадей здесь, мы вас подождем, — ответил старший.

В одно мгновение молодые спешились, привязали лошадей и полезли по обрывистому склону к предмету, возбудившему их любопытство. Они двигались скоро и бесшумно, с уверенностью и сноровкой опытных разведчиков. Люди на равнине смотрели, как они перепрыгивают со скалы на скалу, пока их фигуры не появились на гребне холма. Всех опередил юноша, первым поднявший тревогу. Вдруг следующие за ним увидели, как он всплеснул руками, будто в сильнейшем изумлении. Догнав товарища, они были не меньше его потрясены картиной, которая открылась их глазам.

На небольшой площадке, венчающей скалистый холм, лежал одинокий гигантский валун,

а под ним — высокий и невероятно исхудавший человек с длинной бородой и резкими чертами лица. Его мерное дыхание и безмятежный вид говорили о том, что он крепко спит. Рядом с ним устроился ребенок, чьи округлые белые ручки обнимали смуглую жилистую шею мужчины, а головка с золотистыми волосами покоилась на вельветиновой куртке, прикрывающей его грудь. Это была девочка; между ее розовыми губками, на которых играла счастливая детская улыбка, поблескивал ровный ряд белоснежных зубов. Ее пухлые маленькие ножки в белых носочках и аккуратных туфельках со сверкающими пряжками странно контрастировали с длинными высохшими конечностями ее спутника. На каменном карнизе над этой удивительной парой застыли в мрачном ожидании три канюка; заметив новоприбывших, они с хриплым разочарованным карканьем снялись с места и нехотя полетели прочь.

Крики мерзких птиц разбудили спящих, и они стали удивленно озираться кругом. Мужчина вскочил на ноги и посмотрел вниз, на равнину, которая была абсолютно безжизненна, когда его сморил сон, и на которой теперь во множестве толпились люди и кони. На лице его появилось

недоумение, и он провел по глазам своей костлявой рукой.

— Наверно, это и есть предсмертный бред, — пробормотал он себе под нос.

Девочка стояла рядом, вцепившись в полу его куртки, и молчала, жадно глядя вокруг любопытным, вопросительным взглядом.

Молодым людям удалось довольно быстро убедить скитальцев в том, что появление спасательного отряда — не мираж. Один из них взял девочку и посадил к себе на плечо, а двое других повели к фургонам ее изможденного спутника, поддерживая его за локти с обеих сторон.

— Меня зовут Джон Ферриер, — объяснил он. — Было нас двадцать один человек, а уцелели только я да эта малышка. Все остальные перемерли от голода и жажды там, на юге.

— Она твоя дочь? — спросил кто-то.

— Теперь да, — вызывающе заявил тот. — Она моя, потому как я ее спас. Никому ее не отдам. С этого дня и навсегда она Люси Ферриер. А вы кто? — продолжал он, с любопытством озирая своих рослых, загорелых спасителей. — Числом-то вас, похоже, немало.

— Тысяч десять будет, — сказал один из юношей. — Мы гонимые дети Господа — избранный

народ ангела Морония.

— Никогда о таком не слыхал, — отозвался скиталец. — Но, я гляжу, избранников у него порядочно.

— Не шути над тем, что свято, — сурово промолвил другой. — Мы верим в священные письмена, начертанные египетскими буквами на золотых таблицах, переданных в руки пророку Джозефу Смиту близ Пальмиры. Мы пришли из города Нову в Иллинойсе, где воздвигли свой храм. Мы ищем убежища от тирана и безбожников, будь оно даже в сердце пустыни.

Имя Нову явно вызвало у Джона Ферриера какие-то воспоминания.

— Понимаю, — сказал он. — Вы мормоны.

— Да, мы мормоны, — в один голос подтвердили его собеседники.

— И куда вы идете?

— Мы не знаем. Нас ведет длань Господня в обличье нашего Пророка. Ты должен предстать перед ним. Он скажет, что с тобой делать.

К этому моменту они уже достигли подножия холма, и вокруг них сгрудились паломники — робкие бледнолицые женщины, крепкие смеющиеся дети и встревоженные мужчины с серьезными глазами. Увидев, как мала заблудившаяся девоч-

ка и как истощен ее старший товарищ, многие не сдержали возгласов удивления и сочувствия. Однако юноши не остановились, а зашагали дальше в сопровождении огромной толпы мормонов. Наконец они пришли к фургону, который был заметно больше, ярче и наряднее остальных. В него были запряжены шесть лошадей, тогда как прочие упряжки состояли только из двух или в редких случаях из четырех. Рядом с кучером сидел человек не старше тридцати лет, но его массивная голова и решительное выражение лица ясно говорили о том, что это и есть предводитель. Он читал книгу в коричневом переплете, однако при приближении толпы отложил ее в сторону и внимательно выслушал весь рассказ о случившемся. Затем повернулся к странникам.

— Если мы возьмем вас с собой, — торжественно произнес он, — вы должны будете принять нашу веру. Мы не допустим волков в свое стадо. Пусть лучше ваши кости побелеют здесь, в этом диком краю, чем вы окажетесь той червоточиной, которая со временем может сгубить весь плод целиком. Пойдете ли вы с нами на таких условиях?

— Пожалуй что пойду на любых, — сказал Ферриер так выразительно, что даже солидные

старейшины невольно заулыбались. Один лишь предводитель сохранял суровый и внушительный вид.

— Возьми его, брат Стенджерсон, и ребенка тоже, — сказал он. — Накорми и напои обоих. Кроме того, я поручаю тебе обучить их нашим священным заповедям. Но мы теряем драгоценное время. Вперед, к земле обетованной!

— Вперед! Вперед! — подхватили мормоны, и этот призыв волной покатился по каравану, передаваясь от соседа к соседу, пока не стих, превратившись в невнятный ропот где-то вдалеке. Защелкали бичи, заскрипели колеса, и вскоре весь караван снова пришел в движение. Старейшина, которому вверили присмотр за двумя новообращенными, привел их к своему фургону, где уже была готова трапеза.

— Вы останетесь здесь, — промолвил он. — Через несколько дней к вам вернутся силы. А пока помните и не забывайте, что отныне вы одной с нами веры. Так сказал Бригем Янг[8], устами которого говорит Джозеф Смит, а его глас — это глас Божий.

---

[8] Сноски: 8

Янг, Бригем (1801–1877) — глава мормонской общины после смерти ее основателя, Джозефа Смита.

Глава 2
Цветок Юты

Здесь не место описывать лишения и невзгоды, выпавшие на долю мормонов-переселенцев на их многотрудном пути. От берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор шли они с беспримерной целеустремленностью, достойной запечатления в анналах истории. Кровожадные дикари и кровожадные хищники, голод, жажда, усталость и болезни — все препоны, которые чинила им мать-природа, — преодолевались с истинно англосаксонским упорством. Однако долгое путешествие с его многочисленными испытаниями подточило волю даже самых стойких из этих людей. Не один из них рухнул на колени и от всей души возблагодарил Господа, когда перед ними открылась широкая, залитая солнцем долина Юты, а в ушах прозвучали слова их предводителя, что край обетованный достигнут и эти девственные земли будут принадлежать им до скончания века.

Янг быстро доказал, что он умелый руководитель и решительный властелин. Очень скоро на

свет появились карты и наброски плана будущего города. Участки земли под фермы были размечены и распределены среди членов общины в соответствии с их заслугами и положением. Торговцы занялись своим делом, ремесленники — своим. Городские улицы и площади рождались словно по мановению волшебной палочки. В долине полным ходом шли работы по осушению и огораживанию, затем фермеры принялись пахать и сеять, и на следующее лето повсюду зазолотились пшеничные нивы. Весь край процветал под эгидой этих странных колонистов — и огромный храм, который они воздвигли в центре города, с каждым месяцем становился все выше и краше. От первого проблеска зари до последних закатных лучей на месте, избранном колонистами для воздания хвалы Тому, кто уберег их от множества напастей, не смолкали стук топора и визг пилы.

Двое спасенных, Джон Ферриер и девочка, разделившая с ним все превратности судьбы и официально признанная его дочерью, сопровождали мормонов до конца их великого переселения. Малышка Люси Ферриер с относительным удобством устроилась в фургоне старейшины Стенджерсона в компании трех его жен и сына — упрямого, развитого не по годам

двенадцатилетнего мальчика. Со свойственной детям душевной гибкостью она быстро оправилась от потрясения, вызванного смертью матери, стала любимицей женщин и привыкла к новой жизни в передвижном домике под парусиновой крышей. Тем временем Ферриер, восстановивший утраченные силы, зарекомендовал себя опытным проводником и неутомимым охотником. Он очень скоро завоевал уважение своих новых товарищей, и по окончании их совместных странствий было единодушно решено, что он заслуживает столь же обширного и плодородного земельного надела, как и любой другой переселенец, за исключением лишь самого Янга, а также четверых главных старейшин — Стенджерсона, Кембалла, Джонстона и Дреббера.

На полученной таким образом ферме Джон Ферриер сложил из бревен добротный дом, который в последующие годы благодаря многочисленным пристройкам превратился в просторный особняк. Джон был человеком практического склада, сметливым и сноровистым в работе. Его железное здоровье позволяло ему денно и нощно трудиться над улучшением и возделыванием своих земель. Неудивительно, что подобное усердие приносило обильные плоды. Через три года он опередил

соседей, через шесть сделался зажиточным фермером, через девять стал настоящим богачом, а через двенадцать во всем Солт-Лейк-Сити не нашлось бы и дюжины человек, которые могли с ним сравниться. От широкого внутреннего моря до отдаленных Уосачских гор не было имени известнее, чем имя Джона Ферриера.

В одном и только одном отношении задевал он чувства собратьев по вере. Никакие убеждения и уговоры не могли подвигнуть его на то, чтобы обзавестись одной или несколькими супругами по примеру своих товарищей. Он никогда не объяснял причин такого упорства, довольствуясь тем, что стойко и непреклонно придерживался раз принятого решения. Одни упрекали его в не слишком ревностной приверженности новой религии, другие полагали, что всему виной алчность и нежелание брать на себя дополнительные расходы. Были и такие, кто высказывал догадки о давнем романе и белокурой красавице, чахнущей на берегах далекой Атлантики. Но, какими бы ни были его резоны, Ферриер оставался верным обету безбрачия. Во всех прочих житейских вопросах он следовал заветам религии колонистов и пользовался репутацией порядочного и богобоязненного человека.

Люси Ферриер выросла в бревенчатом доме, помогая своему приемному отцу во всех его начинаниях. Прозрачный горный воздух и смолистый аромат сосен заменили девочке мать и нянек. С каждым годом она становилась выше и стройнее, на ее щеках все ярче розовел румянец, а шаг делался все более упругим. Редкий путник, идущий по большой дороге мимо усадьбы Ферриера, не испытывал прилива давно забытого волнения, когда видел гибкую фигурку девушки, будто скользящую по пшеничному полю, или встречал ее верхом на отцовском мустанге, которым она правила со всей легкостью и грацией истинной уроженки Запада. Так бутон обернулся цветком, и к тому году, когда отец ее стал богатейшим из фермеров, дочь могла бы поспорить красотой с любой своей ровесницей на Тихоокеанском побережье.

Однако вовсе не отец первым обнаружил, что дитя превратилось в женщину. И здесь нет ничего необычного. Это таинственное превращение слишком неуловимо и постепенно, чтобы его можно было определить точной датой. И меньше всех знает о нем сама девушка, покуда чей-то изменившийся голос или прикосновение чьей-то руки не заставят ее сердце забиться сильнее и она

не поймет со смесью гордости и страха, что внутри ее пробудилось существо иной, более глубокой природы. Мало кому не запоминаются этот день и незначительное событие, возвестившее о заре новой эры. Однако в случае с Люси Ферриер это событие было важным и само по себе, даже если не брать в расчет его влияния на ее дальнейшую судьбу и на будущее многих других людей.

Оно произошло теплым июньским утром, когда Святые последних дней[9] хлопотали, как пчелы, — недаром они избрали своей эмблемой улей. И в полях, и на улицах стоял монотонный гул человеческого труда. По пыльным трактам тянулись длинные вереницы тяжело нагруженных мулов, ибо в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а путь туда пролегал через Город избранных. Вперемежку с мулами брели гурты овец и быков, которых гнали домой с отдаленных пастбищ, и группы усталых переселенцев — люди и кони, одинаково уставшие от своего нескончаемого путешествия. И в этой пестрой толпе, прокладывая себе дорогу с ловкостью прирожденной наездницы, скакала Люси Ферриер — ее щеки раскраснелись на свежем воздухе, длинные

[9] Сноски: 9

Официальное название объединения мормонов — Церковь Иисуса Христа Святых последних дней.

каштановые волосы развевались на ветру.

Отец отправил ее в город с очередным поручением, и она, как бывало уже много раз, ринулась выполнять его со всем бесстрашием юности, думая лишь о цели своей поездки и о том, как лучше ее достигнуть. Видавшие виды странники провожали ее восхищенными взглядами, и даже бесстрастные индейцы, везущие на продажу пушнину, забывали о своей привычной невозмутимости, изумляясь прелести бледнолицей девы.

Она добралась до окраины мормонской столицы, когда дорогу ей преградило огромное стадо скота, которое перегоняли с равнин полдюжины отвыкших от цивилизации пастухов. Снедаемая нетерпением, она попыталась миновать препятствие, пустив своего коня в открывшуюся впереди брешь. Но едва она это сделала, как животные снова сомкнули свои ряды за ее спиной, и она очутилась в плотном потоке свирепо косящихся на нее длиннорогих быков. Выросшая на ферме, она нимало не смутилась и продолжала погонять лошадь, надеясь постепенно выбраться из неприятной ситуации. К несчастью, рога одного из животных то ли случайно, то ли по злому умыслу вонзились в бок мустанга, и тот взвился как бешеный. Яростно захрапев и встав на дыбы,

он принялся скакать и метаться так неистово, что непременно сбросил бы с себя менее опытного седока. Дело принимало дурной оборот. Шарахаясь из стороны в сторону, возбужденная лошадь снова и снова натыкалась на бычьи рога, и это пугало ее еще больше. Всех усилий девушки хватало лишь на то, чтобы удержаться в седле, но малейшая оплошность грозила ей ужасной гибелью под копытами неповоротливых, охваченных паникой животных. Она не привыкла к таким испытаниям, и вскоре голова у нее закружилась, а рука, сжимающая повод, начала слабеть. Задыхаясь в облаке пыли и испарений от разгоряченных быков, она уже не чаяла спастись, но вдруг у ее локтя раздался уверенный голос, говорящий, что помощь пришла. В тот же миг чья-то загорелая жилистая рука взяла ее испуганного коня под уздцы и, силой протащив его между быками, вывела на обочину дороги.

— Надеюсь, вы не пострадали, мисс, — вежливо сказал ее спаситель.

Она взглянула на его смуглое суровое лицо и беззаботно рассмеялась.

— Я чуть не умерла со страху, — наивно призналась она. — Кто бы подумал, что десяток-другой обычных коров могут так напугать моего Пончо!

— Слава богу, что вы не упали с лошади, — серьезно промолвил всадник. Это был высокий молодой человек верхом на статном чалом коне, с виду настоящий дикарь в грубой охотничьей одежде и с длинной винтовкой за плечами. — Наверно, вы дочь Джона Ферриера, — продолжал он. — Я заметил, как вы выезжали из его дома. Когда вернетесь, спросите его, помнит ли он Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Ферриер, их с моим папашей было водой не разлить.

— Почему бы вам не заехать и не спросить самому? — с лукавой скромностью спросила она.

Похоже, молодому человеку понравилось это предложение, и его темные глаза заблестели от удовольствия.

— Так я и сделаю, — сказал он. — Но мы проболтались в горах два месяца и еще не успели привести себя в порядок. Вообще-то в таком виде по гостям не ходят, но вы уж не обессудьте.

— Отцу есть за что вас поблагодарить, так же как и мне, — ответила девушка. — Он меня ужасно любит. Если бы меня растоптали быки, он бы этого не пережил.

— Я тоже, — сказал молодой человек.

— Вы? А вам-то что за беда? Вы ведь нам даже

не друг.

При этих словах смуглое лицо молодого охотника так помрачнело, что Люси Ферриер невольно засмеялась.

— Нет-нет, не обижайтесь, — сказала она. — Конечно, теперь вы наш друг. Обязательно приходите в гости. А сейчас я должна ехать дальше, не то отец перестанет мне доверять. До свиданья!

— До свиданья, — откликнулся он, приподняв широкое сомбреро и склонившись к ее руке.

Она развернула мустанга, хлестнула его плетью и умчалась в сторону города, оставив за собой медленно оседающие клубы пыли.

Джефферсон Хоуп-младший догнал своих товарищей и поехал с ними, молчаливый и задумчивый. Они искали серебро в горах Невады и теперь возвращались в Солт-Лейк-Сити в надежде собрать деньги на разработку нескольких найденных месторождений. Еще недавно все его мысли были поглощены этими планами, но внезапное происшествие на дороге направило их в иное русло. Образ юной красавицы, чистый и свежий, как ветерок Сьерры, проник в самую глубь его буйной, неукротимой души. Когда она исчезла с его глаз, он понял, что в его жизни наступил переворот и ни добыча серебра, ни любые

другие занятия никогда не будут для него такими же важными, как прежде. Любовь, вспыхнувшая в его сердце, была не мимолетным увлечением юноши, но жаркой, неистовой страстью мужчины с сильной волей и властным характером. Он привык добиваться успеха во всех своих начинаниях — и поклялся перед самим собой, что преуспеет и здесь, если только человеческое упорство и неутомимое стремление к цели способны помочь ему в этом.

В тот же вечер он нанес Джону Ферриеру первый из долгой череды визитов, которые продолжались, пока его лицо не стало для обитателей фермы почти родным. За последние двенадцать лет Джон, запертый в долине и поглощенный работой, имел мало возможностей узнать что-либо о внешнем мире. Джефферсон Хоуп рассказывал ему обо всем, что там произошло, и делал это так, что его интересно было слушать не только отцу, но и дочери. Он одним из первых отправился в Калифорнию и хранил в памяти бесчисленное множество удивительных историй о том, как в те буйные золотые деньки вмиг сколачивались и терялись целые состояния. Был он и разведчиком, и траппером, искал серебро и трудился на ранчо — словом, стоило где-нибудь запахнуть

приключениями, и Джефферсон Хоуп сразу оказывался тут как тут. Вскоре он заслужил прочную симпатию пожилого фермера, который не жалел красок, расписывая его достоинства. В таких случаях Люси помалкивала, но румянец на ее щеках и счастливый блеск в глазах яснее ясного говорили, что ее юное сердце больше ей не принадлежит. Возможно, простодушный отец и не обращал внимания на эти симптомы, но они, конечно, не остались не замеченными человеком, снискавшим ее благоволение.

Как-то летним вечером он галопом прискакал по дороге и спешился у ворот. Она была на пороге и вышла ему навстречу. Он бросил поводья на изгородь и зашагал к дому.

— Я уезжаю, Люси, — сказал он, взяв ее руки в свои и нежно глядя ей в лицо сверху вниз. — Я не прошу тебя сейчас ехать со мной, но будешь ли ты готова к этому, когда я вернусь?

— А когда это будет? — спросила она, смеясь и краснея.

— Самое позднее через пару месяцев. Тогда я приеду и заберу тебя, милая. Никто не сможет встать между нами.

— Даже отец? — спросила она.

— Он дал свое согласие при условии, что мы на-

ладим работу на рудниках. Насчет этого можешь не беспокоиться.

— Ну что ж… если вы с папой обо всем договорились, значит, и толковать не о чем, — прошептала она, прижавшись щекой к его широкой груди.

— Слава богу! — хрипло произнес он, наклонившись и целуя ее. — Стало быть, решено. Чем дольше я здесь задержусь, тем труднее будет уехать. Меня ждут в каньоне. Прощай, моя суженая, прощай. Через два месяца увидимся снова.

С этими словами он оторвался от нее, вскочил на коня и стремительно поскакал прочь, ни разу не оглянувшись, будто боялся, что душевные силы могут изменить ему, если он увидит, что оставляет позади. Она стояла у ворот и провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез из виду. А потом вернулась в дом, и счастливей ее не было девушки во всей Юте.

Глава 3
Джон Ферриер говорит с Пророком

Три недели протекли с того дня, как Джефферсон Хоуп и его товарищи покинули Солт-Лейк-Сити. Сердце Джона Ферриера мучительно ныло, когда он думал о возвращении молодого человека и о скорой разлуке со своей приемной дочерью. Однако ее лицо светилось счастьем, и это примиряло его с грядущей потерей лучше любых увещаний. В глубине души он уже давно и твердо постановил, что нет на свете такой силы, которая вынудила бы его отдать дочь за мормона. Подобное замужество казалось ему постыдным и унизительным. Как бы ни относился Джон к другим правилам жизни мормонов, в этом смысле он был непоколебим. Но ему приходилось держать рот на замке, поскольку в ту пору в Стране святых было небезопасно выражать мнения, отличные от общепринятых.

Да, небезопасно — точнее, настолько опасно, что даже самые праведные осмеливались говорить на религиозные темы лишь с оглядкой, боясь, что их слова могут быть неправильно

истолкованы и навлекут на них мгновенное возмездие. Гонимые сами превратились в гонителей, и притом невероятно жестоких. Ни севильская инквизиция, ни немецкий фемгерихт, ни тайные общества Италии не умели создать карательную машину безжалостнее той, что отбрасывала свою зловещую тень на весь штат Юту.

Ее незримость и окружавшая ее тайна делали эту организацию вдвойне ужасной. Она казалась вездесущей и всезнающей, но сама была не видна и не слышна никому. Человек, выступивший против Церкви, попросту исчезал, и никто не ведал, куда он пропал и что с ним сталось. Напрасно ждали его дома жена и дети — ни один отец семейства еще не вернулся, дабы рассказать, что он испытал по велению своих тайных судей. За опрометчивым словом или необдуманным поступком следовало уничтожение, и все же никто не знал, какова природа нависшей над ним грозной силы. Неудивительно, что люди жили в страхе и трепете и даже в самых глухих уголках, даже шепотом не отваживались высказать обуревавшие их сомнения.

Поначалу мощь этого неведомого и грозного карательного органа испытывали на себе лишь те упрямцы, которые, приняв веру мормонов,

в дальнейшем пытались извратить или вовсе оставить ее. Однако вскоре он заметно расширил сферу своей деятельности. Количество взрослых женщин сокращалось, а полигамия при нехватке потенциальных невест — воистину пустой и бессмысленный догмат. Странные слухи поползли по округе — слухи об убитых переселенцах и боевых отрядах в тех краях, где никогда не видали индейцев. А в гаремах старейшин появлялись новые женщины — женщины, которые томились и плакали и на чьих лицах лежала печать неизбывного ужаса. Путники, застигнутые ночью в горах, рассказывали о том, как мимо них во мраке быстро и бесшумно проскальзывали группы вооруженных людей в масках. Эти слухи и сообщения дополнялись очередными подробностями, подтверждались опять и опять, покуда наконец не обрели форму конкретного имени. До сего дня слова «воины из колена Данова» или «ангелы-мстители» вызывают у обитателей уединенных ранчо Запада страх и гнетущие предчувствия.

Новые сведения об организации, действующей столь жуткими методами, скорее усиливали, чем ослабляли тот ужас, который она внушала. Кто именно принадлежал к этому безжалостному обществу, оставалось загадкой. Имена тех, кто

во имя религии прибегал к насилию и совершал кровавые злодеяния, хранились в строжайшем секрете. Даже ваш близкий друг, которому вы поверяли свои сомнения относительно Пророка и его миссии, мог вернуться к вам ночью с огнем и мечом, дабы взыскать с вас страшную дань. Поэтому каждый боялся своего соседа и никто не говорил о том, что тревожило его больше всего.

Однажды погожим утром Джон Ферриер, уже собравшийся выехать в поля, вдруг услышал стук щеколды и выглянул в окно. К дому шагал дородный рыжеволосый человек средних лет. Сердце у Джона ушло в пятки, ибо это был не кто иной, как сам великий Бригем Янг. С душевным трепетом — ибо он знал, что такой визит не сулит ему ничего хорошего, — Ферриер поспешил к двери, чтобы встретить предводителя мормонов со всеми подобающими почестями. Однако тот холодно выслушал его приветствия и с суровым лицом проследовал за хозяином в гостиную.

— Брат Ферриер, — сказал он, усевшись и устремив на фермера острый взгляд из-под белесых ресниц, — ревнители истинной веры были тебе добрыми друзьями. Мы взяли тебя с собой, когда ты голодал в пустыне, мы преломили с тобой кусок хлеба, привели тебя целым и невредимым

в Долину избранных, щедро наделили тебя землей и позволили тебе разбогатеть под нашим покровительством. Так ли это?

— Да, это так, — ответил Джон Ферриер.

— В обмен на все это мы поставили тебе лишь одно условие — а именно: ты должен был стать приверженцем нашей веры и жить по ее канонам. Ты дал нам это обещание, но, если верить людской молве, ты его нарушил.

— Как же я нарушил его? — спросил Ферриер, протестующе вскинув руки. — Разве я не жертвовал деньги на общее дело? Разве я не посещал храм? Так в чем же я провинился?

— Где твои жены? — спросил Янг, озираясь по сторонам. — Позови их, я хочу с ними поздороваться.

— Да, я остался холостяком, — ответил Ферриер. — Но женщин в долине мало, и многие имеют на них больше прав, чем я. Кроме того, я ведь не одинок: за мной ухаживает моя дочь.

— Именно о твоей дочери я и хотел с тобой поговорить, — сказал глава мормонов. — Она выросла, стала цветком Юты и снискала расположение в глазах многих наших достойнейших братьев.

Джон Ферриер внутренне застонал.

— О ней идут толки, которые оскорбляют слух, — будто она помолвлена с грешником, не ведающим истинного пути. Наверное, это всего лишь досужие сплетни. Какова тринадцатая заповедь святого Джозефа Смита? «Каждая дева, воспитанная в истинной вере, должна выйти замуж за одного из избранных, ибо если она выйдет за немормона, то совершит тяжкий грех». А коли так, негоже тебе, исповедующему наше учение, позволять своей дочери идти наперекор его заветам.

Джон Ферриер молчал, нервно теребя в руках хлыст.

— Один этот вопрос станет пробным камнем всей твоей веры — так решил Священный Совет Четырех. Девушка молода, и мы не намерены принуждать ее выйти за старика; не оставят ее и вовсе без выбора. У нас, старейшин, много телок, но нам следует позаботиться и о наших детях. Сын есть у Стенджерсона и сын есть у Дреббера — каждый из них охотно возьмет твою дочь к себе в дом. Пусть она выберет между ними. Они молоды, богаты и исповедуют истинную веру. Что ты на это скажешь?

Наступила пауза. Ферриер задумался, насупив брови.

— Дайте нам время, — наконец произнес он. — Моя дочь еще совсем молода, ей рано думать о браке.

— Мы даем ей месяц на размышление, — сказал Янг, поднимаясь с места. — Потом она должна будет сделать свой выбор.

Уже переступая порог, он внезапно обернулся — лицо его покраснело, глаза сверкали.

— Имей в виду, Джон Ферриер, — прогремел он, — если ты со своими слабыми силенками вздумаешь перечить священной воле Четырех, ты пожалеешь, что твои и ее кости не истлели тогда на Сьерра-Бланко!

Сделав угрожающий жест, он снова повернулся к двери, и Ферриер услышал, как его тяжелые шаги захрустели по гравию дорожки.

Он еще сидел, опершись локтем о колено и размышляя, как поведать дочери о случившемся, когда на его руку легла другая, гораздо более мягкая. Подняв голову, он увидел Люси рядом с собой. Один взгляд на ее бледное испуганное лицо дал ему понять, что она слышала весь разговор.

— Я не нарочно, — сказала она в ответ на вопрос, который прочла в его глазах. — Его голос разносился по всему дому. Ах, папа, папа, что же нам делать?

— Не бойся, доченька, — отозвался он, привлек ее к себе и ласково провел своей широкой грубой ладонью по ее каштановым волосам. — Что-нибудь да придумаем. Ты ведь не охладела к своему парню, так?

Всхлип и пожатие руки были ее единственным ответом.

— Конечно, нет. Иначе ты бы меня здорово огорчила. Он славный малый и добрый христианин, чего не скажешь обо всех здешних, сколько бы они ни молились и ни били поклоны. Завтра в Неваду отправляется одна компания, и я постараюсь передать ему весточку, чтобы он знал, в какой переплет мы угодили. Если я хоть самую малость разбираюсь в молодых людях его сорта, он примчится сюда быстрей, чем электрическая телеграмма.

Услышав это сравнение, Люси рассмеялась сквозь слезы.

— Ты прав, папа, он приедет и наверняка даст нам хороший совет. Но я очень боюсь за тебя. Ходят слухи, рассказывают такие страшные истории про тех, кто идет против Пророка! С ними всегда случается что-то ужасное.

— Ну, пока-то мы еще не пошли против него, — ответил ее отец. — Вот когда пойдем, тогда надо

будет держать ухо востро. У нас впереди целый месяц — повременим чуток, а потом, думаю, придется нам мотать отсюда подальше.

— Уехать из Юты?

— Вроде того.

— А как же ферма?

— Переведем в деньги сколько сможем, а остальное пускай горит синим огнем. Сказать тебе честно, Люси, я давненько об этом подумываю. Уж больно тошно смотреть, как местная публика ходит на задних лапках перед этим дурацким Пророком. Я свободнорожденный американец и не привык ни перед кем пресмыкаться. Поздно уж мне переучиваться! Если он еще сунет нос на нашу ферму, то рискует нарваться на хороший заряд картечи, летящий ему навстречу.

— Но они не позволят нам уехать, — возразила его дочь.

— Давай подождем Джефферсона и тогда все как следует обмозгуем. А до той поры не волнуйся, милая, и не вздумай плакать, не то у тебя опухнут глазки, а он меня за это живьем съест. Покамест бояться нечего, опасности ровно никакой нет.

Джон Ферриер произносил эти утешительные слова очень уверенным тоном, но она не могла не заметить, что вечером он с большой тщатель-

ностью запер двери, а потом аккуратно почистил и зарядил старый, порядком заржавевший дробовик, который висел на стене над его кроватью.

Глава 4
Побег

На следующее утро после встречи с Пророком Джон Ферриер поехал в Солт-Лейк-Сити, нашел там знакомого, который собирался в невадские горы, и дал ему письмо для Джефферсона Хоупа. В нем он объяснил Хоупу, насколько серьезная опасность им угрожает, и попросил его вернуться как можно скорее. Сделав это, он вздохнул свободнее и двинулся назад с облегченным сердцем.

Подъезжая к ферме, он с удивлением заметил, что к обоим столбам его ворот привязано по лошади. Его удивление возросло еще больше, когда он вошел в дом и обнаружил, что у него в гостиной расположились двое молодых людей. Один из них, с продолговатым бледным лицом, устроился в кресле-качалке, закинув ноги на печь. Другой, юноша с бычьей шеей и грубой одутловатой физиономией, стоял у окна, засунув руки в карманы и насвистывая церковный гимн. Оба они кивнули вошедшему Ферриеру, и тот, что сидел в качалке, начал разговор.

— Вы, наверное, нас не признали, — сказал

он. — Это сын старейшины Дреббера, а я Джозеф Стенджерсон, который путешествовал с вами в пустыне, когда Господу было угодно протянуть свой перст и направить вас в лоно истинной церкви.

— Как сделает он со всеми народами, когда придет время, — гнусаво подхватил второй. — Жернова Господни мелют хоть и медленно, зато верно.

Джон Ферриер холодно поклонился. Он уже смекнул, зачем сюда явилась эта парочка.

— Мы пришли по совету наших отцов, — продолжал Стенджерсон, — чтобы просить руки вашей дочери для того из нас, кто покажется достойнее вам и ей. Поскольку у меня только четыре жены, а у брата Дреббера семь, я полагаю, что мои притязания более оправданны.

— Ну нет уж, брат Стенджерсон! — воскликнул второй. — Дело не в том, сколько у нас жен, а в том, сколько мы можем содержать. Недавно отец отдал мне свои мельницы, так что теперь я богаче.

— Но у тебя нет таких перспектив, — любезно возразил первый. — Когда Господь призовет к себе моего отца, я получу его кожевенный завод и дубильню. Кроме того, я старше тебя и выше по

положению в Церкви.

— Ладно, пускай девушка сама выберет, — откликнулся Дреббер-младший, ухмыляясь своему отражению в оконном стекле. — Как она решит, так тому и быть.

Во время этой беседы Джон Ферриер стоял на пороге, пылая негодованием и еле сдерживаясь — так хотелось ему угостить посетителей своим хлыстом.

— Ну вот что, — сказал он наконец, шагнув к ним, — когда моя дочь вас позовет, тогда и приходите, а пока я не желаю вас больше видеть.

Молодые мормоны воззрились на него в изумлении. В их глазах соперничество, в которое они вступили, претендуя на руку девушки, было высочайшей честью как для нее, так и для ее отца.

— Из этой комнаты два выхода, — продолжал Ферриер, — один через дверь, другой через окно. Какой вам больше нравится?

Его загорелое лицо было таким свирепым, а костлявые руки выглядели так угрожающе, что гости тут же вскочили на ноги и поспешили прочь. Старый фермер шел за ними по пятам до самой двери.

— Дайте мне знать, когда решите, кто из вас главнее, — язвительно сказал он.

— Ты за это поплатишься! — воскликнул Стенджерсон, побелев от гнева. — Ты бросил вызов Пророку и Совету Четырех и будешь жалеть об этом до конца своих дней!

— Длань Господня тяжела, — добавил молодой Дреббер. — Скоро она обрушится на тебя!

— А пока я обрушу на вас свою! — в ярости крикнул Ферриер и бросился бы на молодых мормонов, если бы выбежавшая на шум Люси не схватила его за руку и не повисла на ней. Прежде чем он успел вырваться, раздался стук лошадиных копыт, говорящий о том, что юноши уже вне пределов его досягаемости.

— Гнусные лицемеры! — воскликнул он, вытирая со лба пот. — Лучше мне увидеть тебя в могиле, дочка, чем замужем за любым из них.

— Я и сама лучше умру, папа, — мужественно ответила она. — Но Джефферсон скоро будет здесь.

— Да. Думаю, нам не придется долго ждать. И чем скорей он приедет, тем лучше, потому что мы не знаем, каким будет их следующий шаг.

И правда, если кто-то мог оказать стойкому фермеру и его приемной дочери помощь советом или делом, ему нельзя было терять время. Еще ни разу за всю историю местной общины власть

старейшин не встречала столь откровенного сопротивления. Если даже мелкие оплошности наказывались чрезвычайно сурово, какая же судьба ждала настоящего мятежника? Ферриер знал, что его не спасут ни богатство, ни положение. Несколько человек, не менее состоятельных и известных, чем он, уже исчезли без всякого следа, а их имущество забрала Церковь. Храбрости ему было не занимать, но и его пробирала дрожь при мысли о смутной неведомой угрозе, которая над ним нависла. Любую явную опасность он встретил бы не дрогнув, но это ожидание действовало ему на нервы. Он скрывал от дочери свои страхи, делая вид, будто не принимает случившееся всерьез, однако Люси своим любящим взором ясно видела, насколько ему не по себе.

После стычки с молодыми мормонами он ждал от Янга какого-нибудь послания или предупреждения и не ошибся, хотя оно пришло в необычной форме. Проснувшись на следующий день, он, к своему удивлению, обнаружил маленький листок бумаги, пришпиленный к одеялу прямо у него на груди. Жирными, прыгающими печатными буквами на нем было выведено:

«НА ИСПРАВЛЕНИЕ ТЕБЕ ДАЕТСЯ

Многоточие в конце фразы было страшнее любых слов. Джон Ферриер долго и тщетно гадал, как записка попала к нему в спальню, ибо слуги спали в пристройке, а все окна и двери он запер собственноручно. Он скомкал бумажку и ничего не сказал дочери, хотя в душе у него поселился холод. Двадцать девять дней — именно столько осталось от месяца, который отвел ему Янг. Какая сила и мужество потребны для борьбы с врагом, наделенным таким сверхъестественным могуществом? Та же рука, что приколола записку к одеялу, могла поразить его в сердце, и он никогда не узнал бы имени своего убийцы.

Еще большее потрясение ждало его на следующее утро. Они сели завтракать, и вдруг Люси с удивленным возгласом указала наверх. Посреди потолка было нацарапано — очевидно, обгорелой палкой — число 28. Дочь ничего не поняла, а отец воздержался от объяснений. Вечером он взял дробовик и уселся на страже. Он ничего не видел и не слышал, однако утром на двери обнаружились большие, намалеванные краской цифры 27.

День проходил за днем, а его незримые враги скрупулезно вели отсчет, каждое утро напоминая

ему нарисованными где-нибудь на видном месте цифрами, сколько еще осталось от месяца данной им отсрочки. Иногда роковые числа возникали на стене, иногда на полу, иногда на маленьких плакатиках, прикрепленных к ограде или садовой калитке. При всей своей бдительности Джон Ферриер не мог определить, откуда берутся эти ежедневные предупреждения. Когда он замечал их, его охватывал почти сверхъестественный ужас. Он стал худым и беспокойным, а в глазах у него появилась обреченность, как у загнанного зверя. Ему помогало держаться лишь одно — надежда на возвращение из Невады молодого охотника.

Двадцать сменилось пятнадцатью, пятнадцать — десятью, а об уехавшем по-прежнему не было ни слуху ни духу. Отпущенный срок неумолимо иссякал, а Хоуп все не подавал о себе весточки. Услышав на дороге стук копыт или окрик погонщика, старый фермер спешил к воротам, думая, что помощь наконец пришла. Но вот он увидел, как пятерка обернулась четверкой, а та тройкой, и мужество покинуло его. Теперь он утратил всякую надежду. Один, с плохим знанием гор, окружающих долину, он не мог ни на что рассчитывать. Все более или менее оживленные

пути строго охранялись, и никому не удалось бы проскользнуть по ним без разрешения Совета. Куда ни кинь, нигде не было видно спасения от нависшего над ними удара. И все же старик ни на секунду не поколебался в своей решимости скорее расстаться с жизнью, чем примириться с тем, что он считал бесчестьем для дочери.

Однажды вечером он сидел в одиночестве, погрузившись в глубокие раздумья о своей беде и тщетно пытаясь придумать способ от нее избавиться. Утром на стене дома появилась цифра 2 — значит, завтрашний день будет последним из тех, что им отпущены. А потом? В его воображении теснились самые жуткие и невероятные картины. Что станет с его дочерью после того, как он исчезнет? Неужели в невидимой сети, которая затягивается вокруг них, нет ни одной дырочки? Отчаявшись найти выход, он опустил голову на стол, и из груди его вырвалось судорожное рыдание.

Но что это? Вдруг откуда-то донеслось слабое царапанье — совсем тихое, оно тем не менее отчетливо слышалось в ночной тишине. Звук раздавался со стороны двери. Ферриер вышел в прихожую и навострил уши. Несколько мгновений длилась пауза, потом странные, навязчивые

звуки возобновились. Очевидно, кто-то тихонько постукивал пальцем по дверной филенке. Может быть, это ночной убийца, явившийся, чтобы исполнить зловещий приказ тайного трибунала? Или посланец, отмечающий наступление последнего дня отсрочки? Джон Ферриер решил, что мгновенная смерть лучше ожидания, которое измотало ему нервы и выстудило душу. Прыгнув вперед, он отодвинул засов и рывком распахнул дверь.

Снаружи царили тишина и покой. Ночь выдалась безоблачная, и на небосклоне мерцали яркие звезды. Перед глазами фермера лежал маленький садик, обнесенный оградой с воротами, но ни в нем, ни на дороге никого не было. Облегченно вздохнув, Ферриер посмотрел налево и направо, затем случайно опустил взгляд к собственным ногам и, к своему изумлению, увидел распростертого на земле человека.

Это зрелище так поразило его, что он оперся о косяк, схватившись рукой за горло, чтобы не дать вырваться удивленному восклицанию. Сперва он подумал, что лежащий ничком человек ранен или умирает, однако тот вдруг шевельнулся и, извиваясь, пополз в прихожую с быстротой и бесшумностью змеи. Очутившись в доме,

неизвестный вскочил на ноги, закрыл дверь, и ошеломленный фермер увидел перед собой мрачное, пылающее решимостью лицо Джефферсона Хоупа.

— Слава богу! — тихонько воскликнул Джон Ферриер. — Как ты меня напугал! Зачем ты это устроил?

— Дайте поесть, — хрипло ответил Хоуп. — У меня двое суток маковой росинки во рту не было. — Он бросился к остаткам ужина на столе, холодному мясу и хлебу, и принялся жадно набивать себе рот. — Как Люси? — спросил он, утолив голод.

— Нормально. Она не знает, что нам грозит, — ответил ее отец.

— Хорошо. За домом следят со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Может, они и ловки, но не настолько, чтобы поймать охотника, в жилах которого течет индейская кровь.

Теперь, в обществе надежного союзника, Джон Ферриер словно заново родился. Он схватил мозолистую руку Хоупа и сердечно пожал ее.

— Тобой можно гордиться, — сказал он. — Немногие согласились бы разделить с нами такое несчастье.

— Тут вы правы, дружище, — ответил моло-

дой охотник. — Я крепко вас уважаю, но скажу честно: будь вы один, я бы вряд ли сунулся в это осиное гнездо. Меня привела сюда Люси, и прежде чем с ее головы упадет хоть один волосок, в Юте станет на одного Хоупа меньше.

— Что нам делать?

— Завтра ваш последний день, и если не сняться нынче ночью, вам конец. В Орлином ущелье нас ждут мул и пара лошадей. Сколько у вас денег?

— Две тысячи долларов золотом и пять ассигнациями.

— Неплохо. У меня еще столько же. Мы должны перевалить через горы и добраться до Карсон-Сити. Срочно будите Люси. Хорошо, что слуги спят не в доме.

Пока Ферриер объяснял дочери, что им предстоит, Джефферсон Хоуп сложил все съестное, какое сумел найти, в маленький узелок и наполнил водой глиняную флягу, ибо знал по опыту, что источников в горах мало и они находятся далеко друг от друга. Едва он закончил сборы, как вернулись фермер с дочерью, полностью одетые и готовые к путешествию. Влюбленные поздоровались тепло, но без лишних слов, поскольку им нельзя было терять драгоценные минуты.

— Отправляемся сейчас же, — сказал Джеф-

ферсон Хоуп тихим, но решительным голосом человека, который сознает всю величину нависшей над ним опасности, но и не думает сдаваться без боя. — За парадным и черным входом следят, но если нам повезет, мы сможем вылезти в боковое окно и пересечь поле. А как попадем на дорогу, там уж только две мили до Орлиного ущелья, где привязаны лошади. К рассвету будем далеко в горах.

— А если нас остановят? — спросил Ферриер.

Хоуп похлопал по рукояти револьвера, торчащей из-под его куртки.

— Если их окажется слишком много, двоих-троих мы с собой прихватим, — сказал он с недоброй усмешкой.

Свет в доме не горел с самого вечера, и Ферриер выглянул из темного окна в поле, которое принадлежало ему и которое теперь он должен был навсегда оставить. Однако он давно уже подготовился к этой жертве, ибо честь и счастье дочери перевешивали в его глазах утрату любого имущества. Снаружи тихонько шелестели деревья, колосилась широкая нива — трудно было поверить, что над всем этим покоем и безмятежностью витает дух убийства. Однако бледное, сосредоточенное лицо молодого охотника ясно

показывало: по пути сюда он видел достаточно, чтобы изгнать из себя всякие сомнения по этому поводу.

Ферриер взял сумку с золотом и банкнотами, Джефферсон Хоуп — скромный запас провианта и воды, а Люси — маленький узелок с самыми дорогими ей вещами. Как можно тише и осторожнее открыв окно, они дождались большого облака и в сгустившемся мраке один за другим выскользнули в сад. Согнувшись в три погибели и затаив дыхание, они пробрались к живой изгороди и под ее укрытием достигли лазейки, ведущей в засеянные пшеницей поля. Однако здесь молодой охотник вдруг схватил своих спутников и толкнул их в тень, где они, дрожа, приникли к земле.

Им повезло, что благодаря жизни в прериях слух у Джефферсона Хоупа стал острым, как у рыси. Едва они спрятались, как в нескольких шагах от них раздался заунывный крик горной совы, а вслед за ним другой такой же, но чуть подальше. В тот же момент они увидели, как из лазейки, открывающей дорогу к спасению, выскользнул чей-то смутный силуэт, и снова послышался печальный сигнал, в ответ на который неведомо откуда возникла другая человеческая фигура.

— Сегодня в полночь, когда трижды прокричит

козодой, — сказал первый страж, видимо старший по рангу.

— Хорошо, — откликнулся второй. — Передать брату Дребберу?

— Скажи ему, а он пусть оповестит остальных. Девять к семи!

— Семь к пяти! — ответил второй дозорный, и оба разошлись в противоположных направлениях. Последние слова были, очевидно, чем-то вроде пароля и отзыва. Как только шаги стражей затихли вдалеке, Хоуп вскочил на ноги, помог своим спутникам проскользнуть через лаз в изгороди и торопливо повел их в поля, поддерживая и почти неся на руках девушку, когда ему казалось, что силы вот-вот ее оставят.

— Скорей! Скорей! — то и дело повторял он. — Мы оставили часовых позади. Теперь все зависит от нашей скорости!

Выбравшись на тракт, они пошли быстрее. Только однажды им повстречался какой-то человек, но они успели нырнуть в поле и он их не заметил. Перед городской окраиной охотник свернул на узкую каменистую тропку, которая вела в горы. Впереди, в полутьме, маячили два зазубренных пика — их разделяло то самое Орлиное ущелье, где беглецов ждали лошади.

Полагаясь на свое безошибочное чутье, Хоуп отыскивал дорогу среди больших валунов и по руслу пересохшего ручья, и наконец троица достигла укромного, защищенного скалами уголка, где были привязаны верные животные. Девушку усадили на мула, старый Ферриер с денежной сумой оседлал одну из лошадей, а другую Хоуп повел под уздцы по опасной, обрывистой тропе.

Те, кто не привык встречаться лицом к лицу с Природой в ее самых суровых обличьях, вряд ли рискнули бы выбрать этот маршрут. С одной стороны высился черный, угрожающе массивный утес в тысячу футов, а то и больше; по его неровной поверхности тянулись длинные базальтовые выступы, похожие на ребра древнего окаменелого чудища. С другой было непроходимое нагромождение скал и щебня. Между этими препятствиями петляла тропинка, местами до того узкая, что они пробирались по ней гуськом, и такая ухабистая, что двигаться по ней могли только опытные наездники. Тем не менее, несмотря на все эти препоны, на душе у беглецов было легко, ибо каждый шаг увеличивал расстояние между ними и царством жестокого произвола, от которого они спасались.

Но вскоре им пришлось убедиться в том, что

они еще не вырвались из-под ига Святых. Когда они достигли самого трудного и дикого участка пути, у девушки вырвался испуганный возглас, и она указала наверх. Там, на торчащей над перевалом скале, четко вырисовывался силуэт одинокого стража. В ту же секунду и он заметил их, и по молчаливому ущелью прокатился его грозный окрик:

— Стой! Кто идет?

— Торговцы в Неваду, — сказал Джефферсон Хоуп, положив руку на висящее у седла ружье.

Они видели, как часовой, сжав винтовку, вглядывается вниз с утеса, словно не удовлетворенный их ответом.

— Кто разрешил? — послышалось сверху.

— Священный Совет Четырех, — ответил Ферриер. Опыт жизни среди мормонов подсказал ему, что это наивысший орган власти, на который можно сослаться.

— Девять к семи! — воскликнул часовой.

— Семь к пяти, — тут же откликнулся Хоуп, вспомнив подслушанный в саду отзыв.

— Идите с богом, — раздалось со скалы.

Через несколько ярдов тропа стала шире, и лошади перешли на рысь. Обернувшись, они увидели фигуру одинокого часового, опершегося на

свое ружье, и поняли, что миновали последний сторожевой пост божьих избранников и впереди их ждет свобода.

Глава 5
Ангелы-мстители

Всю ночь беглецы пробирались по извилистым ущельям и кривым каменистым тропкам. Не раз они сбивались с пути, однако Хоуп прекрасно знал горы и неизменно выводил их обратно на правильный маршрут. Когда забрезжило утро, глазам усталых людей открылась картина, полная дикой прелести. Со всех сторон их обступали заснеженные пики, выглядывая друг из-за друга вплоть до самого горизонта. Скалистые склоны, между которыми петляла тропа, были так круты, что сосны и лиственницы нависали прямо над беглецами — казалось, что случайный порыв ветра вот-вот обрушит деревья им на голову. Эти опасения нельзя было назвать беспочвенными, поскольку дно лощины густо усеивали ветки и камни, упавшие таким образом. Однажды — они едва успели проехать мимо рокового места — сверху с грохотом сорвалась большая глыба. Испуганные лошади ударились в галоп, а по молчаливым теснинам еще долго перекатывалось гулкое эхо.

По мере того как солнце потихоньку взбиралось на восточный небосклон, шапки огромных гор вспыхивали одна за другой, точно праздничные фонари, пока наконец все они до единой не засверкали розоватым светом. Это великолепное зрелище подбодрило путешественников и вдохнуло в них новые силы. Они устроили привал у горного потока, низвергающегося из расселины в скалах, напоили лошадей и сами перекусили наспех. Люси и ее отец с удовольствием отдохнули бы подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим. «Они наверняка уже напали на след, — сказал он. — Теперь все зависит от нашего проворства. Доберемся до Карсона и можем отдыхать хоть всю оставшуюся жизнь».

Они продолжали лавировать по ущельям до самой темноты и в конце дня подсчитали, что их отделяет от врагов не меньше тридцати миль. Остановившись на ночлег у подножия хмурого утеса, где можно было хоть как-то спрятаться от пронизывающего ветра, они сомкнули глаза на несколько часов. Не успело толком рассвести, как беглецы уже снова были на ногах и двигались дальше. Никаких признаков погони не наблюдалось, и Хоуп стал надеяться, что они сумели ускользнуть от страшной организации, чей гнев

столь опрометчиво навлекли на себя. Он и не ведал, как далеко простирается ее железная длань и как скоро она схватит их и раздавит.

Примерно в середине второго дня их скудные запасы еды начали иссякать. Впрочем, это не слишком встревожило охотника, ибо в горах водилось много всякого зверья, а ему и прежде частенько приходилось добывать себе пропитание с помощью винтовки. Выбрав укромный уголок, он свалил в кучу несколько сухих веток и разжег жаркий костер, чтобы его спутники могли согреться, поскольку они уже поднялись на добрых пять тысяч футов над уровнем моря и воздух здесь был студеный. Привязав лошадей и попрощавшись с Люси, он закинул за спину ружье и отправился на поиски той добычи, какую богу было угодно ему ниспослать. Оборачиваясь, он видел старика и девушку, сидящих у яркого огня; на заднем плане неподвижно стояли лошади. Затем они скрылись из виду за скалами.

Он пробродил несколько миль, безуспешно исследуя ущелье за ущельем, хотя ободранная кора на деревьях и прочие приметы подсказывали ему, что в окрестностях полно медведей. После двух-трех часов бесплодных скитаний он совсем отчаялся и решил было повернуть назад

с пустыми руками, как вдруг взгляд, случайно брошенный вверх, заставил его сердце радостно забиться. На кромке торчащего вбок утеса в трех-четырех сотнях футов над ним замерло существо, внешне напоминающее барана, однако украшенное парой гигантских рогов. Похоже, толсторог — так называлось это животное — охранял группу невидимых охотнику овец, но, к счастью, они направлялись в другую сторону, и вожак не заметил охотника. Хоуп лег ничком, опер винтовку о камни и долго, старательно целился, прежде чем спустить курок. Животное подпрыгнуло, затем постояло, шатаясь, на краю пропасти и рухнуло вниз, в долину.

Тащить громоздкую тушу целиком было несподручно, и охотник удовлетворился тем, что отрезал от нее заднюю ногу и часть бока. Взвалив трофей на плечо, он поспешил обратно по своим следам, так как уже смеркалось. Но, едва тронувшись в путь, он понял, какая трудность его ожидает. Увлекшись поисками жертвы, он оставил известный ему район далеко позади, и теперь было нелегко найти дорогу к лагерю. От долины, в которую он забрел, разбегалось множество ветвистых ущелий, настолько похожих, что их невозможно было отличить друг от друга.

Он выбрал одно и, прошагав по нему около мили, уперся в горную речку, которой явно никогда раньше не видел. Убежденный, что повернул не туда, он взял другое направление, и снова его постигла неудача. Тем временем ночь быстро надвигалась, и когда он наконец добрался до знакомых мест, стало уже почти совсем темно. Даже сейчас риск заблудиться был немалым, поскольку луна не успела взойти, а обступившие тропинку скалы еще больше ухудшали видимость. Обремененный своей ношей и уставший от долгой прогулки по горам, он спотыкался, но упрямо шел вперед, подбадривая себя мыслями о том, что каждый шаг приближает его к Люси и что добытой им пищи хватит до самого конца путешествия.

Вскоре он достиг входа в то самое ущелье, где оставил их. Даже в темноте он узнал очертания ближайших утесов. Наверное, они ждут его с нетерпением, подумалось ему; ведь их разлука затянулась чуть ли не на пять часов. В порыве радости он поднес ладони ко рту и издал громкий приветственный клич, разбудивший в долине переливчатое эхо. Потом замер и прислушался в ожидании ответа. Но его не было — к нему лишь вновь и вновь возвращался его собственный

крик, многократно переотразившийся от стен унылых и безучастных горных каньонов. Он крикнул опять, еще громче, — и опять от друзей, оставленных им так недавно, не донеслось в ответ ни шепота. Смутный, безымянный ужас закрался к нему в душу, и он опрометью кинулся вперед, в волнении сбросив наземь свою драгоценную добычу.

Повернув за угол, он выбежал прямо к тому месту, где днем разводил костер. Угли в нем еще тлели, но было ясно, что никто не подкидывал туда дров после его ухода. Вокруг по-прежнему царила мертвая тишина. Он почувствовал, как его страхи перерастают в уверенность. Рядом с остатками костра не было ничего живого; лошади, старик, девушка — все исчезли. Хоуп уже не сомневался в том, что во время его отсутствия здесь разразилась страшная, непоправимая катастрофа — катастрофа, унесшая всех, но не оставившая за собой никаких следов.

Ошеломленный этим ударом, Джефферсон Хоуп застыл без движения. У него закружилась голова, и ему пришлось опереться на ружье, чтобы не упасть. Однако он был человеком действия и вскоре преодолел свою минутную слабость. Выхватив из костра непогасшую головешку, он

раздул из нее факел и принялся внимательно осматривать опустевший лагерь. Вся земля была изрыта лошадиными копытами — это подсказало ему, что беглецов пленил большой отряд всадников, а по направлению следов можно было сделать вывод, что потом они направились обратно в сторону Солт-Лейк-Сити. Стало быть, они забрали с собой обоих его спутников? Хоуп почти убедил себя в этом, но тут его взгляд наткнулся на предмет, при виде которого все в нем словно перевернулось. Чуть поодаль от костра темнел холмик бурой земли, которого определенно не было здесь прежде. Он понял, что перед ним свежезарытая могила. Подойдя ближе, молодой охотник заметил, что в холмик воткнута расщепленная палка, а в ней торчит листок бумаги. Надпись на листке была краткой и емкой:

ДЖОН ФЕРРИЕР
ИЗ СОЛТ-ЛЕЙК-СИТИ
умер 4 августа 1860 года.

Значит, непокорный старик, с которым он говорил еще совсем недавно, ушел из жизни и в память о нем осталась лишь эта лаконичная эпитафия. Джефферсон Хоуп огляделся в панике, ища взором вторую могилу, но ничего не обнару-

жил. Их жестокие преследователи забрали Люси с собой туда, где она должна была подчиниться уготованному ей жребию — пополнить гарем сына одного из старейшин. Когда молодой человек осознал всю неотвратимость этой судьбы и свое собственное бессилие перед нею, он пожалел, что не лежит бок о бок со старым фермером в месте его последнего упокоения.

Но вскоре его деятельная натура снова взяла верх над порожденной отчаянием апатией. Если у него больше ничего нет, по крайней мере, он может посвятить свою жизнь мщению. Бесконечно упорный и терпеливый, Хоуп умел быть беспощадным — наверное, это качество передалось ему от индейцев, среди которых он прожил довольно долго. Стоя у погасшего костра, он понял, что смягчить его горе может только одно — суровое и справедливое возмездие, обрушенное на головы врагов его собственной рукой. Отныне, решил он, все его душевные силы и неутомимая энергия будут отданы достижению этой единственной цели. С хмурым, побледневшим лицом он вернулся за принесенной с охоты добычей и, помешав тлеющие угли, поджарил себе мяса на несколько дней. Затем увязал его в котомку и, не обращая внимания на усталость, двинулся через

горы по следам Ангелов-мстителей.

Пять дней, сбивая ноги в кровь, он шагал пешком по тем же каменистым тропам, по которым недавно проезжал в седле. По ночам он бросался на землю и дремал час-другой, но к рассвету уже успевал одолеть новый солидный отрезок дороги. На шестой день он добрался до Орлиного ущелья, откуда началось их злополучное путешествие. Оттуда открывался вид на лежащую в долине Страну святых. Измученный до предела, Хоуп оперся на винтовку и свирепо погрозил раскинувшемуся внизу молчаливому городу своим костистым кулаком. Приглядевшись, он заметил на нескольких главных улицах флаги и другие атрибуты празднества. Он все еще размышлял, что бы это могло значить, когда раздался стук копыт и из-за поворота выехал всадник. Хоуп узнал в нем мормона по фамилии Купер, которому он в прошлом оказывал кое-какие услуги. Поэтому он решил заговорить с ним и попробовать выяснить что-нибудь о судьбе Люси Ферриер.

— Я Джефферсон Хоуп, — сказал он. — Помните меня?

Мормон посмотрел на него с нескрываемым удивлением. И правда, трудно было признать в этом грязном оборванце с мертвенно-блед-

ным лицом и пронзительным, почти безумным взглядом того щеголеватого молодого охотника, с которым он прежде водил знакомство. Но когда юноша понял, что перед ним тот самый Джефферсон, его удивление сменилось откровенным испугом.

— Вы с ума сошли! — воскликнул он. — Говоря с вами, я рискую жизнью. Совет Четырех приказал арестовать вас за то, что вы помогли Ферриерам бежать.

— Я не боюсь ни их самих, ни их приказов, — серьезно промолвил Хоуп. — Вы должны что-то знать об этом деле, Купер. Заклинаю вас всем, что для вас дорого, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради бога, не отказывайте мне.

— Ну, что вам нужно? — с неохотой отозвался мормон. — Только давайте поскорее. У здешних скал есть уши, а у деревьев — глаза.

— Что стало с Люси Ферриер?

— Вчера ее выдали за младшего Дреббера. Эй-эй, да что это с вами? На вас лица нет.

— Ничего, — тихо откликнулся Хоуп. Белый как мел, он опустился на камень, около которого стоял. — Стало быть, выдали?

— Да, вчера — потому и флаги на Доме для со-

вершения таинств. Молодой Дреббер и молодой Стенджерсон все спорили, кому она достанется. Они оба были в отряде, который их догнал, и Стенджерсон застрелил ее отца, что вроде бы увеличивало его шансы. Но когда обсуждение вынесли на совет, у Дреббера нашлось больше сторонников, поэтому Пророк отдал ее ему. Вообще-то разница невелика: вчера по ее лицу было видно, что долго она все равно не протянет. Краше, как говорится, в гроб кладут. Так вы уходите?

— Ухожу, — подтвердил Джефферсон Хоуп, вставая со своего сиденья. Его жесткое, суровое лицо было словно высечено из мрамора, а глаза горели зловещим огнем.

— Куда?

— Не знаю, — ответил тот и, закинув ружье за спину, зашагал по ущелью прочь, в сердце гор — туда, где обитали лишь дикие звери. Среди них не было ни одного более лютого и опасного, чем он сам.

Предсказание мормона сбылось даже чересчур скоро. Неизвестно, что было тому главной причиной — то ли трагическая смерть отца, то ли ненавистный ей насильственный брак, — но бедняжка Люси так и не подняла опущенной долу головки. Не прошло и месяца, как она зачахла и

умерла. Ее пьянчуга-муж, женившийся на ней в первую очередь ради богатств Джона Ферриера, не слишком скорбел по поводу этой утраты, но остальные его жены оплакали ее и провели с ней ночь накануне похорон, как полагается по обычаю мормонов. Рано утром они еще сидели около усопшей, как вдруг, к их невыразимому ужасу и изумлению, дверь распахнулась и в комнату шагнул загорелый, похожий на дикаря человек в рваной одежде. Не удостоив съежившихся в испуге женщин ни словом, ни взглядом, он подошел к безмолвной, закутанной в белый саван фигуре, в которой еще совсем недавно обитала чистая душа Люси Ферриер. Склонившись над ней, он благоговейно приник губами к ее холодному лбу, а потом, взяв покойницу за руку, снял с ее пальца обручальное кольцо. «Ее с этим не похоронят!» — яростно прорычал он и, прежде чем кто-нибудь успел поднять тревогу, спрыгнул с крыльца и исчез. Весь эпизод был настолько странным и быстротечным, что сидевшим у гроба было бы трудно убедить в его реальности и других людей, и даже себя самих, если бы не один неоспоримый факт: золотой ободок, свидетельствующий о том, что покойная была новобрачной, пропал без следа.

Много месяцев Джефферсон Хоуп оставался в горах, ведя странное полудикое существование и лелея в душе свирепую жажду мщения. В городе ходили слухи о зловещем бродяге, который подкрадывался к домам на окраинах и мелькал в глухих горных каньонах. Как-то раз к Стенджерсону в окно влетела пуля и расплющилась о стену меньше чем за фут от него.

В другой день, когда Дреббер проезжал мимо утеса, оттуда сорвался громадный камень, и всадник чудом избежал страшной гибели, бросившись ничком на землю. Двое молодых мормонов быстро сообразили, кто стоит за этими провалившимися покушениями на их жизнь, и снарядили несколько экспедиций, надеясь поймать или прикончить своего врага, но удача им так и не улыбнулась. Тогда они приняли ряд предосторожностей: не выходили из дому ни поодиночке, ни после наступления темноты и вдобавок поставили у своих домов охрану. Спустя некоторое время они ослабили бдительность, поскольку об их противнике давно ничего не было слышно и они решили, что время охладило его пыл.

Но они ошибались: со временем ненависть охотника лишь набирала силу. Он обладал на

редкость твердым и несгибаемым характером, и завладевшая им жажда мщения вытеснила из его груди все прочие чувства. Однако в нем была и практическая жилка. Вскоре он понял, что даже его железный организм не вынесет постоянного напряжения, которому он его подвергает. Жизнь под открытым небом и грубая пища явно не шли ему на пользу. Но если он сдохнет в горах, как собака, что станет с его мечтой о мести? А ведь махни он на себя рукой, и такого финала попросту не избежать. Сообразив, что его врагам только того и надо, он скрепя сердце вернулся на невадские разработки, чтобы поправить здоровье и накопить денег, которые могли пригодиться ему для достижения поставленной цели.

Вначале он рассчитывал управиться самое большее за год, однако непредвиденное стечение обстоятельств задержало его на рудниках почти на пять лет. Но и под конец этого срока боль, причиненная его обидчиками, и желание отомстить были столь же остры, как в ту памятную ночь, когда он стоял над могилой Джона Ферриера. Изменив внешность и взяв себе другое имя, он возвратился в Солт-Лейк-Сити — ему было все равно, что будет с ним самим, лишь бы восторжествовала справедливость в его пони-

мании этого слова. Там его ждали дурные вести. Несколько месяцев тому назад в краю избранного народа произошел раскол: группа более молодых приверженцев мормонского учения восстала против власти старейшин, и в результате некоторое количество недовольных покинули Юту, чтобы поселиться в обычном мире. Среди них были и Дреббер со Стенджерсоном, причем никто не знал, куда они направились. Если верить молве, Дреббер обратил значительную часть своего имущества в деньги и уехал богатым человеком, тогда как его приятель, Стенджерсон, был сравнительно беден. Однако судить об их настоящем местонахождении не представлялось возможным.

Перед лицом таких трудностей многие люди, даже очень злопамятные, оставили бы всякие помыслы о мести, но Джефферсон Хоуп не колебался ни минуты. На свои небольшие средства, доставляемые той работой, какую ему удавалось найти, он принялся переезжать из города в город, разыскивая пропавших врагов по всем Соединенным Штатам. Год проходил за годом, его черные волосы посеребрила седина, но он, точно ищейка в человеческом облике, по-прежнему не давал себе отдыха, целиком поглощенный

той единственной задачей, которой посвятил свою жизнь. Наконец его упорство было вознаграждено. Он всего лишь мельком увидел в окне лицо — но этот мимолетный взгляд сказал ему, что люди, которых он преследует, находятся в Кливленде, в штате Огайо. Он вернулся в свое убогое жилище с готовым планом действий. Однако случилось так, что Дреббер, выглянув из окна, заметил на улице бродягу и прочел в его глазах свой смертный приговор. Вместе со Стенджерсоном, который к тому времени сделался его личным секретарем, он поспешил к мировому судье и заявил, что их жизни угрожает опасность со стороны давнего соперника, субъекта невероятно ревнивого и мстительного. В тот же вечер Джефферсона Хоупа взяли под арест, а поскольку он не сумел найти поручителей, ему пришлось провести в заключении две-три недели. Когда же его наконец освободили, дом Дреббера оказался покинутым: хозяин вместе со своим секретарем уехал в Европу.

Снова мститель потерпел неудачу, и снова неугасимая ненависть заставила его продолжать погоню. Но его сбережения иссякли, и он опять был вынужден вернуться к работе и экономить каждый доллар для предстоящего путешествия.

Наконец, скопив достаточную сумму, он также отправился в Европу и стал ездить за своими врагами из города в город, не гнушаясь никакой черной работой ради лишнего гроша, но никак не мог настичь беглецов. Когда он явился в Санкт-Петербург, они уже переехали оттуда в Париж, а когда он последовал за ними туда, оказалось, что они буквально на днях отбыли в Копенгаген. В датской столице он вновь обнаружил, что опоздал, ибо они сменили место своего жительства на Лондон, где ему наконец удалось догнать их. Что же касается происшедших там событий, никто не расскажет о них лучше самого старого охотника — а чтобы услышать его рассказ, обратимся снова к дневнику доктора Уотсона, которому мы уже столькими обязаны.

Глава 6
Продолжение воспоминаний доктора Джона Уотсона

Яростное сопротивление нашего пленника, очевидно, не подразумевало никакой личной вражды по отношению к нам, ибо, смирившись со своим поражением, он дружелюбно улыбнулся и выразил надежду, что не причинил никому из нас серьезного вреда.

— Наверно, вы собираетесь доставить меня в участок, — сказал он Шерлоку Холмсу. — Мой кеб у дверей. Если вы развяжете мне ноги, я сам сойду вниз. Тащить меня будет тяжеленько: я уже не такой легкий, какой был когда-то.

Грегсон и Лестрейд обменялись взглядами, будто сочтя это предложение чересчур дерзким, но Холмс сразу же поверил пленнику на слово и развязал полотенце, которым мы обмотали ему лодыжки. Он поднялся и размял ноги, точно желая убедиться, что они вновь свободны. Помнится, глядя на него, я подумал, что мне редко приходилось встречать человека с таким могучим телосложением, а энергия и решимость,

написанные на смуглом загорелом лице этого здоровяка, были вполне под стать его природной мощи.

— Если место начальника полиции сейчас свободно, лучше вас им никого не найти, — заявил он, с неподдельным восхищением взирая на моего соседа по квартире. — Как вы меня выследили — это же просто блеск!

— Пожалуй, вам лучше отправиться со мной, — сказал Холмс детективам.

— Я могу вас отвезти, — предложил Лестрейд.

— Отлично! Тогда Грегсон сядет со мной внутрь. И вы тоже, доктор. Вы с самого начала участвовали в деле, и негоже теперь вас бросать.

Я с радостью согласился, и мы все двинулись вниз. Наш пленник не сделал попытки бежать; он спокойно залез в кеб, который еще недавно считал своим, и мы последовали его примеру. Лестрейд взобрался на козлы, хлестнул лошадь и очень скоро доставил нас по назначению. Там нас проводили в маленькую комнатку, где полицейский инспектор записал имя нашего пленника и имена его предполагаемых жертв. Этот чиновник, бледный и бесстрастный человек, выполнял свои обязанности тщательно и равнодушно, как автомат.

— Арестованный предстанет перед судом в течение недели, — объявил он. — А пока, мистер Джефферсон Хоуп, желаете ли вы что-нибудь сообщить? Должен предупредить, что ваши слова будут записаны и могут быть использованы против вас.

— Я много чего желаю сообщить, — неторопливо промолвил наш пленник. — Я хочу рассказать этим господам все, как оно есть.

— Не лучше ли приберечь ваши показания до суда? — спросил инспектор.

— А до суда, может, и не дойдет, — ответил тот. — И не надо делать удивленное лицо. Я не собираюсь кончать с собой. Вы ведь доктор? — с этим вопросом он обратил на меня взгляд своих пронзительных темных глаз.

Я кивнул.

— Положите-ка ладонь вот сюда, — с улыбкой попросил он, указывая скованными руками себе на грудь.

Я выполнил его просьбу и тут же почувствовал, как сильно и беспорядочно бьется его сердце. Вся его грудная клетка сотрясалась, точно хлипкий домишко, в котором работает мощный мотор. В наступившей тишине я услышал глухие шумы и хрипы, исходящие из того же источника.

— Да у вас аневризма аорты! — воскликнул я.

— Она самая, — безмятежно подтвердил он. — На прошлой неделе я ходил к врачу, и он сказал, что эта штука может лопнуть со дня на день. Она у меня уже много лет. Я заработал ее, когда жил в горах у Соленого озера и питался чем попало. Ну, теперь-то я свое дело сделал и готов помереть хоть завтра, только лучше бы до того рассказать, как все было. Не хочу, чтобы меня считали обычным головорезом.

Инспектор и двое сыщиков быстро обсудили, можно ли разрешить арестованному говорить.

— Как по-вашему, доктор, его жизни угрожает непосредственная опасность? — осведомился первый.

— Безусловно, — ответил я.

— В таком случае снять с него показания в интересах правосудия — наш долг, — заявил инспектор. — Можете говорить что хотите, сэр, но я еще раз предупреждаю, что все ваши слова будут записываться.

— Если позволите, я присяду, — промолвил наш пленник и, не дожидаясь нашего ответа, опустился на стул. — Из-за этой моей аневризмы я быстро устаю, да и возня, которую мы затеяли полчаса назад, силенок мне не прибавила. Я на

краю могилы и врать вам не собираюсь. Каждое мое слово будет чистой правдой, а как вы эти слова потом используете, мне все равно.

После такого вступления Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и поведал нам весьма примечательную историю, которую я привожу ниже. Он говорил спокойно и размеренно, будто описывал самые обыкновенные события. Я могу ручаться за точность передачи его рассказа, поскольку мне удалось раздобыть блокнот Лестрейда, где все слова арестованного были зафиксированы в том порядке, в каком мы их услышали.

— Для вас не имеет значения, почему я ненавидел этих двоих, — начал он. — Довольно будет сказать, что они повинны в смерти близких мне людей, отца и дочери, и за это поплатились собственной жизнью. С тех пор как они совершили свое преступление, прошло очень много времени, и сейчас ни один суд уже не вынес бы им официального приговора. Но я ничего не забыл и решил, что сам буду их судьей, жюри присяжных и палачом — всеми сразу, в одном лице. Любой нормальный мужчина, окажись он на моем месте, поступил бы так же.

Девушка, о которой я упомянул, двадцать лет

назад должна была стать моей женой. Но ее вынудили обвенчаться с этим самым Дреббером — и она этого не пережила. Я снял кольцо с пальца усопшей и поклялся, что он будет умирать, глядя на это кольцо, и что его последними мыслями будут мысли о преступлении, за которое его карают. Я повсюду носил кольцо с собой и изъездил в погоне за Дреббером и его сообщником два континента, прежде чем настиг их. Они хотели измотать меня, но просчитались. Если я и впрямь завтра умру, что вполне вероятно, я умру, зная, что хорошо сделал дело, ради которого жил на этом свете. Они погибли, и погибли от моей руки. Больше мне нечего желать и не на что надеяться.

Они были богачи, а я бедняк, так что преследовать их мне было непросто. Когда я попал в Лондон, в карманах у меня свистел ветер — пришлось думать, чем заработать на кусок хлеба. Ездить верхом и править лошадьми для меня так же привычно, как ходить пешком, поэтому я попросился в кебмены, и меня взяли. Каждую неделю я должен был отдавать назначенную сумму владельцу, а все, что набиралось сверх того, оставлял себе. Правда, лишку выходило немного, но мне хватало. Труднее всего было не заблу-

диться, потому что такого лабиринта, как ваш город, я в целом свете не видывал. Но я все время держал наготове карту, скоро выучил основные гостиницы и вокзалы, и дело пошло на лад.

Я не сразу выяснил, где живет моя парочка, но не ленился расспрашивать каждого встречного и поперечного и наконец отыскал их. Они поселились в одном пансионе в Камберуэлле, по ту сторону реки. Найдя их, я понял, что теперь всё в моей власти. Я отрастил себе бороду, так что узнать меня они не могли. Оставалось только повсюду ходить за ними и ждать удобной минуты. Я твердо решил, что на этот раз не дам им сбежать.

И все-таки они чуть не провели меня снова. Куда бы они ни отправились в Лондоне, я не терял их из виду. Иногда я следовал за ними в кебе, а иногда пешком, но первое было лучше, потому что тогда они не имели возможности от меня улизнуть. Получалось, что заработать грош-другой я мог только рано утром или поздно вечером, и у меня стал накапливаться долг владельцу кеба. Но я не обращал на это внимания — главное было добраться до моих беглецов.

Но до чего ж они были хитрые! Похоже, они понимали, что я в любой момент могу очутиться

рядом, и всегда выходили из дому только вместе и только до сумерек. Я следил за ними битых две недели, не пропуская ни дня, и ни разу не видел их поодиночке. Сам Дреббер почти не просыхал, зато Стенджерсон постоянно был начеку. Я наблюдал за ними с раннего утра до поздней ночи, и мне не подвернулось ни малейшего шанса взять свое. Но я не отчаивался: внутренний голос подсказывал мне, что мой час скоро наступит. Я боялся только, что эта штука у меня в груди лопнет раньше чем надо и не позволит мне довести дело до конца.

И вот однажды вечером я ездил туда-сюда по Торки-террас — так называется улица, на которой они жили, — и увидел, как к их двери подкатил кеб. Скоро оттуда вынесли багаж, а еще через несколько минут появились Дреббер со Стенджерсоном. Они сели внутрь, и кеб тронулся. Я хлестнул лошадь и отправился за ними. Меня грызла тревога: было похоже, что они опять меняют место жительства. На Юстонском вокзале они вышли, а я попросил мальчишку присмотреть за лошадью и прокрался за ними на перрон. Я услышал, как они спросили про ливерпульский поезд и кондуктор ответил им, что этот поезд ушел пять минут назад, а следующий будет только через

пару часов. Стенджерсона это явно раздосадовало, но Дреббер, наоборот, скорее обрадовался, чем огорчился. В толкотне я подобрался к ним так близко, что слышал каждое их слово. Дреббер сказал, что у него есть маленькое дельце — пусть, мол, его спутник обождет тут, он скоро вернется. Второй стал возражать и напомнил ему, что они согласились держаться вместе. Дреббер сказал, что дело у него деликатное и он должен пойти один. Я не расслышал ответа Стенджерсона, но другой разразился руганью и заявил ему, что он всего лишь наемный слуга и не имеет права указывать ему, как поступать. Секретарь понял, что плетью обуха не перешибешь, и просто предупредил Дреббера, что если тот опоздает на последний поезд, его можно будет найти в гостинице «Халлидей». Дреббер пообещал, что вернется на платформу до одиннадцати. На том они и расстались.

Наконец-то наступил момент, которого я так долго ждал. Мои враги допустили роковую оплошность. Вместе они могли защитить друг друга, но поодиночке были бессильны против меня. Тем не менее я решил не торопиться: зачем рисковать? Мой план был готов давно. Месть не приносит удовлетворения, если жертва не успевает сообра-

зить, кто нанес удар и за что на нее обрушилась кара. По моему замыслу, преступники должны были понять, что их настигла расплата за старые грехи. Случилось так, что за несколько дней до этого человек, присматривавший за пустыми домами на Брикстон-роуд, обронил в моем экипаже ключ от одного из них. Вечером он обнаружил потерю, вернулся за своим ключом и получил его обратно, но к тому времени я уже изготовил дубликат. Благодаря этому в моем распоряжении оказалось по крайней одно место в вашей огромной столице, где можно было не опасаться помехи со стороны. Теперь мне предстояло придумать, как заманить туда Дреббера, — задача, согласитесь, нелегкая.

Он вышел на улицу и двинулся по ней, заглядывая во все питейные заведения подряд. В последнем из них он провел добрых полчаса и выбрался оттуда шатаясь — видно, времени зря не терял. Прямо передо мной стоял наемный экипаж, и он в него влез. Я ехал сзади так близко, что всю дорогу морда моей лошади была в какомнибудь ярде от задка его кеба. Мы пересекли реку по мосту Ватерлоо и долго колесили по городу, а потом, к моему удивлению, снова очутились на той самой улице, где они снимали жилье. Я по-

нятия не имел, зачем его туда принесло, однако проехал мимо и остановил свой кеб чуть подальше, ярдах в ста от пансиона. Он отпустил экипаж и вошел в дом. Дайте мне, пожалуйста, воды, а то во рту пересохло.

Я протянул ему стакан с водой, и он выпил его до дна.

— Ну вот, так-то оно получше, — сказал он. — В общем, подождал я его с четверть часа и вдруг услыхал внутри шум, как бывает, когда люди дерутся. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге появились двое — одним из них был Дреббер, а второго, молодого парня, я никогда раньше не видел. Этот парень держал Дреббера за шиворот, а когда выволок на крыльцо, дал ему такого пинка, что тот кувырком полетел на мостовую. «Ах ты свинья! — крикнул он, грозя ему палкой. — Я научу тебя, как оскорблять честную девушку!» Он был так разъярен, что наверняка хорошенько отделал бы Дреббера своей дубинкой, если бы этот трус не драпанул от него что есть мочи. Хромая, он добежал до угла, увидел мой кеб и вскочил в него. «Едем в гостиницу «Халлидей»!» — приказал он.

Когда он очутился в моем кебе, сердце у меня в груди так подпрыгнуло от радости, что я испугал-

ся, как бы моя аневризма не лопнула прямо тут же, на месте, и не оставила меня с носом. Я поехал медленно, прикидывая, как лучше действовать. Можно было вывезти его за окраину города и где-нибудь на глухой улочке побеседовать с ним по душам в последний раз. Я склонялся к этому варианту, но Дреббер облегчил мне задачу. Его опять обуяла жажда, и он велел остановиться у распивочной. Приказав мне дожидаться его, он вошел внутрь. Он проторчал там до закрытия и так нализался, что мне стало ясно: уж теперь-то он никуда от меня не денется.

Не думайте, что я собирался хладнокровно убить его, и дело с концом. Разумеется, это было бы только справедливо, но я не мог заставить себя так поступить. Я давно решил, что дам ему шанс уцелеть, если, конечно, он захочет им воспользоваться. Скитаясь по Америке, я сменил много занятий и одно время работал уборщиком и сторожем при научной лаборатории в Пенсильванском колледже в Йорке. Как-то раз тамошний профессор читал лекцию про яды и показал студентам алкалоид — так он его назвал, — извлеченный из настоя, которым южноамериканские индейцы отравляют стрелы, и такой сильный, что одна его крупинка означала мгновенную

смерть. Я приметил пузырек с этим веществом и, когда все разошлись, взял себе немножко. Между прочим, я еще и неплохой фармацевт, так что мне удалось приготовить из этого алкалоида маленькие растворимые пилюльки. Каждую из них я спрятал в коробочку с другой такой же, но без яда. Мне пришло на ум вот что: когда наступит мой час, я предложу своим господам по такой коробочке. Пусть каждый из них выберет одну пилюлю, а я съем оставшуюся. Это будет не менее эффективно, чем стрелять через платок, зато все пройдет без лишнего шума. С того дня я всегда держал при себе эти коробочки с пилюлями, и сейчас пора было пустить их в ход.

Время близилось к часу пополуночи, и непогода разыгралась не на шутку: дул сильный ветер и вдобавок лило как из ведра. Но хотя вокруг бушевало ненастье, на душе у меня было светло — так светло, что я едва сдерживал ликующий крик. Если бы кто-нибудь из вас, джентльмены, лелеял заветную мечту на протяжении долгих двадцати лет и вдруг понял, что она вот-вот сбудется, вы бы поняли мои чувства. Я раскурил сигару, чтобы унять расходившиеся нервы, но руки у меня дрожали, а в висках стучало от возбуждения. Я ехал и видел, как из темноты смотрят на меня

и улыбаются старый Джон Ферриер и моя милая Люси, — видел так же ясно, как вижу сейчас каждого из вас. Всю дорогу они были впереди, один слева от моей лошади, другая справа, и исчезли, только когда я затормозил у того дома на Брикстон-роуд.

Я окинул улицу взглядом и прислушался — никого и ничего, только дождь шумит. Дреббер в экипаже весь обмяк и спал хмельным сном. Я потряс его за руку.

«Вылезайте, приехали», — сказал я.

«Ладно, приятель», — отозвался он.

Наверное, он решил, что мы приехали в названную им гостиницу, поскольку ничего больше не спросил и двинулся за мной следом в палисадник. Мне пришлось идти рядом и поддерживать его, потому что он с трудом сохранял равновесие. Когда мы добрались до двери, я открыл ее и провел его в прихожую. Даю вам честное слово, что все это время отец с дочерью шли впереди нас.

«Темно, как у черта за пазухой», — пожаловался он, топая ногами и спотыкаясь.

«Сейчас зажжем свет, — ответил я, чиркнул спичкой и поднес ее к восковой свече, которую захватил с собой. — А теперь, Инок Дреббер, — продолжал я, обернувшись к нему и поднеся

огонь к своему лицу, — скажи, кто я такой?»

Несколько секунд он пялился на меня мутными, бессмысленными глазами. Потом я увидел, как в них вспыхнул ужас и исказил все его черты, — стало быть, он меня узнал. Он отшатнулся, побелев как полотно, на лбу у него выступил пот, а зубы громко застучали. При виде этой картины я прислонился к двери и громко, с наслаждением рассмеялся. Я и раньше знал, что месть сладка, но и не представлял себе, какое это будет блаженство.

«Паршивый пес! — воскликнул я. — Я гонялся за тобой повсюду, от Солт-Лейк-Сити до Санкт-Петербурга, и ты всегда ускользал от меня. Но теперь этим метаниям пришел конец, потому что один из нас не увидит завтрашнего восхода солнца». Пока я говорил, он отодвинулся от меня еще дальше — на его лице было написано, что он считает меня сумасшедшим. Пожалуй, в тот момент он не ошибался. Мне хотелось сжать виски, в которых точно бухали паровые молоты, и я наверняка свалился бы в обморок, если бы у меня не пошла носом кровь — это принесло небольшое облегчение.

«Помнишь Люси Ферриер? — продолжал я, заперев дверь и тряся ключом прямо у него перед

глазами. — Пускай не сразу, а через много лет, но наказание все же настигло тебя». Я видел, как при этих словах у труса задрожали губы. Он наверняка стал бы молить меня о пощаде, если бы не понимал, что это бесполезно.

«Вы пойдете на преступление?» — еле выговорил он.

«При чем тут это? — возразил я. — Разве убить бешеную собаку значит совершить преступление? А ты пожалел мою бедную голубку, когда оторвал ее от убитого отца и утащил в свой бесстыдный, Богом проклятый гарем?»

«Ее отца убил не я», — пробормотал он.

«Но ее невинное сердце разбил ты! — воскликнул я и выхватил из кармана коробочку. — Пусть нас рассудят высшие силы. Выбирай и глотай. В одной пилюле смерть, в другой — жизнь. Я возьму ту, что останется. Проверим, есть ли на свете справедливость или всем правит случай».

Он съежился, визжа и умоляя меня о пощаде, но я приставил к его глотке нож, и ему пришлось покориться. Он проглотил одну пилюлю, я вторую, и мы молча стояли друг против друга целую минуту или больше, не ведая, кому из нас суждено жить, а кому умереть. Никогда не забуду выражения, которое появилось у него на лице, когда он

почувствовал первые, едва заметные спазмы и понял, что отравился! Увидев это, я снова расхохотался и поднес к его носу обручальное кольцо Люси. Это длилось всего пару мгновений, потому что яд действует быстро. Гримаса боли исказила его черты; он взмахнул перед собой руками, пошатнулся и с хриплым воплем тяжело рухнул на пол. Я перевернул его ногой и положил ладонь ему на сердце. Оно не билось — он был мертв!

Из носа у меня текла кровь, но раньше я не обращал на это внимания. Теперь же мне почему-то вздумалось написать ею что-нибудь на стене. Может быть, я захотел потехи ради пустить полицию по ложному следу, потому что на душе у меня было легко и радостно. Я вспомнил, как в Нью-Йорке нашли однажды убитого немца и над ним слово «Rache»; в газетах тогда твердили, что это наверняка работа каких-то тайных обществ. Я решил, что лондонцы вряд ли сообразительнее нью-йоркцев, окунул палец в свою собственную кровь и вывел ею на стене, на самом видном месте, эти несколько букв. Потом возвратился к кебу и убедился в том, что улица по-прежнему пуста и дождь по-прежнему хлещет вовсю. Отъехав совсем недалеко, я сунул руку в карман, где обычно лежало кольцо Люси, и обнаружил, что

его там нет. Меня как громом ударило: ведь это была единственная оставшаяся от нее памятка. Подумав, что мог уронить его, когда нагибался над телом Дреббера, я развернулся и, бросив кеб в соседнем переулке, пошел к дому: я был готов рискнуть чем угодно, лишь бы не расстаться с кольцом навсегда. Приблизившись к двери, я угодил прямо в лапы выходящему оттуда полицейскому, но сумел развеять его подозрения, прикинувшись в стельку пьяным.

Вот как встретил свой конец Инок Дреббер. После этого мне оставалось только сделать то же самое со Стенджерсоном: надо было расквитаться с ним за убийство Джона Ферриера. Я знал, что он снял комнату в гостинице «Халлидей», и прождал около нее целый день, однако он так и не показался оттуда: видно, почуял неладное, когда Дреббер не явился к нему, как обещал. Что и говорить, он был хитрый, этот Стенджерсон, — хитрый и осторожный. Но если он думал, что сможет избежать встречи со мной, отсидевшись у себя в номере, это была большая ошибка. Я выяснил, какое окно его, и на следующее утро, едва рассвело, забрался туда по деревянной лестнице, которая лежала на земле. Я разбудил его и сказал, что пришла пора расплатиться за жизнь,

отнятую им много лет тому назад. Я рассказал, как умер Дреббер, и предложил ему на выбор такую же коробочку с пилюлями. Но вместо того, чтобы ухватиться за свой единственный шанс на спасение, он вскочил с постели и бросился меня душить. Защищаясь, я всадил нож ему в сердце. В общем-то, это ничего не изменило: провидение все равно не позволило бы руке убийцы взять пилюлю, в которой не было яда.

Ну вот, я уже почти кончил — и слава богу, потому что силы мои на исходе. Я решил поработать кебменом еще несколько дней, чтобы скопить денег на обратный билет в Америку. Я был на стоянке, когда туда пришел оборванный мальчишка и спросил, есть ли среди нас кучер по имени Джефферсон Хоуп: его, мол, просят подать кеб на Бейкер-стрит, к дому 221-б. Ничего не подозревая, я отправился по вызову, и вдруг этот молодой человек нацепил на меня наручники и защелкнул их, да так ловко, что любо-дорого было смотреть. Вот и вся моя история, джентльмены. Можете считать меня злодеем, но, на мой взгляд, я такой же служитель правосудия, как и вы сами.

Рассказ арестованного так захватил нас, а сам он держался с таким достоинством, что никто из нашей компании, слушая его, не проронил

ни слова. Даже профессиональные детективы, пресыщенные отчетами о самых разнообразных преступлениях, казалось, были заворожены его речью. Когда он умолк, в комнате минуту-другую стояла тишина, нарушаемая только скрипом карандаша, — это Лестрейд вносил последние поправки в свою стенографическую запись.

— Остался еще только один вопрос, в который мне хотелось бы внести дополнительную ясность, — промолвил наконец Шерлок Холмс. — Кто ваш сообщник — тот, что приходил за кольцом по моему объявлению?

Наш пленник весело подмигнул моему другу.

— Свои тайны я могу выдать, — ответил он, — но зачем портить жизнь другим? Я увидел ваше объявление и подумал: или это ловушка, или они и впрямь готовы вернуть кольцо. Мой приятель вызвался проверить. Думаю, вы не станете отрицать, что он блестяще с этим справился.

— Согласен на все сто процентов, — добродушно откликнулся Холмс.

— А теперь, джентльмены, — веско произнес инспектор, — я должен напомнить, что нам следует считаться с требованиями закона. В четверг арестованный предстанет перед судом магистратов, где потребуется ваше присутствие. До тех пор

я за него в ответе. — С этими словами он позвонил в колокольчик, и Джефферсона Хоупа увели двое надзирателей, а мы с Шерлоком Холмсом покинули участок, поймали кеб и вернулись на Бейкер-стрит.

Глава 7
Заключение

Всех нас предупредили, что в четверг мы должны явиться в суд, но когда наступил четверг, оказалось, что надобность в наших свидетельствах отпала. Дело поступило на рассмотрение в иные, более высокие инстанции, и Джеффсона Хоупа призвали к ответу туда, где каждому окончательно воздается по заслугам. В первую же ночь заключения у него лопнула аорта, и его нашли распростертым на полу камеры с безмятежной улыбкой на лице, словно перед смертью он пришел к выводу, что прожил свою жизнь честно и не впустую.

— Грегсон с Лестрейдом, наверное, вне себя от злости, — заметил Холмс на следующий вечер, когда мы обсуждали последние события. — Ведь его смерть лишила их возможности покрасоваться на публике.

— По-моему, они практически ничего не сделали для его ареста, — отозвался я.

— В этом мире неважно, что вы сделали, — кисло заметил мой компаньон. — Главное — за-

ставить людей поверить, что вы сделали много. Впрочем, какая разница! — заметил он после паузы уже более оптимистическим тоном. — Я все равно очень доволен тем, что принял участие в расследовании. Насколько я помню, у меня никогда не было более интересного дела. Хоть и простое, в некоторых отношениях оно все же весьма поучительно.

— Простое! — вырвалось у меня.

— Ну да, оно вряд ли заслуживает иной характеристики, — подтвердил Шерлок Холмс, улыбаясь моему изумлению. — Ведь мне хватило всего лишь нескольких самых тривиальных логических умозаключений, чтобы поймать убийцу в течение трех дней. Разве это не доказательство того, что наше дело было, в сущности, крайне простым?

— Вы правы, — согласился я.

— Я уже объяснял вам, что нестандартность преступления чаще помогает сыщику, чем наоборот. Самое важное при решении задачек такого сорта — уметь рассуждать в обратном направлении. Это очень полезно и очень легко, но мало кто дает себе труд этому научиться. В обычной, повседневной жизни полезнее рассуждать в прямом направлении, чем люди в основном и

занимаются. На пятьдесят человек, способных мыслить синтетически, приходится один, способный мыслить аналитически.

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю, — признался я.

— Это и неудивительно. Сейчас я попробую выразиться яснее. Если вы опишете кому-нибудь цепочку событий, он, как правило, сумеет предсказать вам результат. Люди способны связать события у себя в мозгу и сделать вывод о том, к чему они должны привести. Однако же очень немногие, узнав результат, могут с помощью работы ума понять, какие шаги предшествовали этому результату. Эту способность я и называю способностью рассуждать в обратном направлении, то есть аналитически.

— Понимаю, — сказал я.

— В нашем случае результат был налицо, а все остальное нам требовалось выяснить самостоятельно. Сейчас я постараюсь описать вам ход своих рассуждений. Итак, начнем с самого начала. Как вы помните, к дому я приблизился пешком, причем полностью освободил свое сознание для впечатлений извне. Естественно было начать с осмотра улицы, и там, как я уже вам говорил, я заметил отчетливые следы колес — видимо, кеб

приезжал туда ночью, в чем я и убедился, задав детективам пару вопросов. Небольшое расстояние между колеями подсказало мне, что это был именно кеб, а не частный экипаж: в Лондоне это различие выражено достаточно четко.

Таким образом, первый шаг был сделан. Затем я не торопясь прошел по садовой дорожке — она была глинистой, а на мягкой почве отпечатки сохраняются особенно хорошо. Наверное, вам эта дорожка показалась просто истоптанной полоской грязи, но для моего натренированного взгляда каждая ямка на ее поверхности имела значение. Во всей сыщицкой науке нет дисциплины более важной, чем искусство распознавать следы, но именно ею почему-то чаще всего пренебрегают. К счастью, я всегда старался отдавать ей должное, и благодаря долгой практике умение читать следы стало моей второй натурой. Я увидел глубокие вмятины, оставленные сапогами констеблей, но увидел и то, что до них по дорожке прошли еще двое. Легко было понять, что эти двое побывали здесь первыми, поскольку кое-где их следы почти целиком исчезли под более поздними. Так я получил следующее звено цепи: узнал, что ночных гостей было двое, причем один очень рослый, если судить по длине его шага, а другой модно

одетый, ибо от его ботинок остались маленькие и изящные отпечатки.

В доме моя последняя догадка подтвердилась: человек в элегантной обуви лежал передо мной. Значит, убийство совершил его спутник — конечно, если оно вообще имело место. На трупе не было ран, но выражение смятения на его лице убедило меня в том, что он предвидел свою судьбу. У людей, умерших мгновенно от сердечного приступа или по какой-либо иной естественной причине, никогда не бывает такой гримасы, говорящей о сильных душевных переживаниях. Понюхав губы мертвеца, я уловил слабый кисловатый запах и сделал вывод, что его заставили принять яд. То, что прием яда был вынужденным, опять же доказывали страх и ненависть, исказившие его черты. Я пришел к этому результату путем исключения, поскольку ни одна из других гипотез не соответствовала фактам. И не думайте, что это была такая уж фантастическая идея. Насильственное отравление — вовсе не редкость в анналах преступного мира. Любой токсиколог сразу назвал бы в этой связи дело Дольского из Одессы и Летюрье из Монпелье.

Теперь настал черед главного вопроса — почему? Целью убийства было не ограбление, ибо

преступник ничего не взял. Так, может быть, тут замешана политика или женщина? Размышляя над этим вопросом, я склонялся ко второму варианту. Те, кто убивает по политическим мотивам, обычно стараются быстро сделать свое дело и удрать. Здесь же убийца явно никуда не торопился и оставил признаки своего присутствия по всей комнате. Такая методичная месть скорее была следствием давней обиды личного, а не политического характера. Обнаружившаяся на стене надпись лишь еще более укрепила меня в этом мнении, поскольку ее нарочитость бросалась в глаза. Ну а когда мы нашли кольцо, моя уверенность превратилась в абсолютную. Убийца явно воспользовался им, чтобы напомнить жертве об умершей или отсутствующей женщине. Именно в тот момент я спросил у Грегсона, не счел ли он нужным прояснить какие-либо конкретные эпизоды биографии покойного мистера Дреббера, когда отправлял телеграмму в Кливленд. Как вы помните, он ответил отрицательно.

После этого я завершил тщательный осмотр комнаты, найдя очередное подтверждение своему выводу о росте преступника и пополнив свои знания такими дополнительными подробностями, как тричинопольская сигара и длина его

ногтей. Поскольку в доме не было следов борьбы, я еще раньше подумал, что кровь, испачкавшая пол, вытекла из носа убийцы, охваченного сильным возбуждением. Я заметил, что эти пятна примерно соответствуют маршруту его перемещения по комнате. Как правило, подобные казусы случаются только с очень полнокровными людьми, и я рискнул предположить, что преступник — человек грузный и багроволицый. Дальнейшие события показали, что я не ошибся.

Покинув дом, я сделал то, до чего не додумался Грегсон. Я телеграфировал начальнику кливлендской полиции, ограничив свой запрос обстоятельствами, связанными с браком Инока Дреббера. Ответ оказался исчерпывающим. Мне сообщили, что Дреббер уже обращался к представителям закона с просьбой защитить его от давнего соперника по любовной части, которого зовут Джефферсон Хоуп и который в настоящее время находится в Европе. После этого я понял, что ключ к тайне у меня в руках и теперь остается лишь поймать убийцу.

Во мне уже созрела убежденность в том, что преступник, вошедший с Дреббером в пустой дом, был не кем иным, как кучером наемного экипажа. Следы на дороге свидетельствовали, что

лошадь бродила туда-сюда, а этого не случилось бы, если бы кто-нибудь за ней присматривал. Где же в таком случае был возница, если не в доме? Вдобавок, трудно предположить, что человек, будучи в здравом уме, станет совершать преступление под самым носом у третьего лица, которое наверняка его выдаст. Наконец, представим себе, что кому-то надо не потерять свою жертву в лабиринте лондонских улиц — разве есть для этого способ лучше, чем наняться в кебмены? Все эти соображения привели меня к неопровержимому выводу, что Джефферсона Хоупа нужно искать среди столичных извозчиков.

Но если он и впрямь стал кебменом, у него не было никаких причин бросать это занятие. Наоборот, с его точки зрения любая внезапная перемена в образе жизни могла привлечь к нему нежелательное внимание. Значит, он должен был остаться на своем месте по крайней мере еще на некоторое время. Я не видел оснований считать, что он пользуется вымышленным именем. Зачем ему отказываться от своего в чужой стране, где его никто не знает? Итак, я вызвал своих несовершеннолетних уличных помощников и велел им обойти в поисках нужного человека все лондонские конторы, сдающие в прокат наемные

экипажи. Не буду напоминать вам, насколько они в этом преуспели и как быстро я воспользовался плодами их трудов: все это и так достаточно свежо у вас в памяти. Убийство Стенджерсона стало для меня полной неожиданностью, однако его в любом случае вряд ли удалось бы предотвратить. Благодаря ему, как вы помните, я получил коробочки с пилюлями, о существовании которых подозревал прежде. Вот видите: вся логическая цепочка выглядит вполне стройной, без всяких дефектов и пропущенных звеньев.

— Потрясающе! — вскричал я. — Ваши заслуги должны найти признание у широкой публики. Вам следует опубликовать отчет об этом деле. Если вы поленитесь, я сам этим займусь.

— Поступайте, как вам будет угодно, доктор, — ответил он. — Но сначала взгляните-ка сюда. — И он протянул мне газету. Это был свежий номер «Эха» с заметкой, посвященной теме нашей беседы.

«Лондонцы, — говорилось в ней, — лишились немалой порции острых ощущений из-за скоропостижной смерти некоего Хоупа, подозреваемого в убийстве Инока Дреббера и Джозефа Стенджерсона. Возможно, подробности этой истории уже никогда не прояснятся, однако

из надежного источника мы узнали, что преступление стало результатом романтической застарелой вражды, в возникновении которой сыграли не последнюю роль любовь и мормоны. Есть основания полагать, что обе жертвы в дни своей юности принадлежали к этой религиозной общине, а Хоуп, умерший в тюрьме, также жил когда-то в Солт-Лейк-Сити. Даже если у этого дела не будет никаких иных последствий, оно, по крайней мере, самым наглядным образом продемонстрировало эффективность нашей правоохранительной системы и послужит хорошим уроком всем иностранцам: теперь они трижды подумают, прежде чем сводить счеты на британской земле. Ни для кого не секрет, что честь блестящего раскрытия этого преступления целиком и полностью принадлежит широко известным детективам из Скотленд-Ярда мистеру Грегсону и мистеру Лестрейду. Добавим, что убийца был схвачен в квартире некоего Шерлока Холмса — любителя, проявившего некоторые способности к сыскному ремеслу. Безусловно, с такими наставниками он может рассчитывать на уверенное освоение азов этой профессии. Мы смеем надеяться, что заслуги наших прославленных полицейских будут оценены по достоинству

и они получат за свои усилия соответствующую награду».

— Разве я не предупреждал вас об этом с самого начала? — смеясь, воскликнул Шерлок Холмс. — Вот зачем мы с вами корпели над нашим этюдом в багровых тонах — чтобы Лестрейд с Грегсоном не остались без награды!

— Ничего, — откликнулся я. — Все факты запечатлены в моем дневнике, и публика о них узнает. А пока довольствуйтесь сознанием своей победы и повторяйте вслед за римским скрягой:

«Пусть освищут меня, – говорит, –
но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе как хочу,
на сундук свой любуясь»[10].

[10] Сноски: 10
Гораций. Сатиры *(пер. М. Дмитриева)*.